

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА
ИМ. А. БАХОВАДДИНОВА
ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

На правах рукописи

Саидова Мохшариф Рахмоналиевна

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТА В ПЕРИОД
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность: 09.00. 11 – социальная философия

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата философских наук**

**Научный руководитель:
Доктор философских наук,
профессор Саидов А.С.**

Душанбе 2018

Содержание

Введение	3-14
-----------------------	-------------

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА

1.1. Политическое действие субъекта: понятие, специфика и структура.....	45-70
1.2. Детерминация и мотивация политических действий субъекта.....	45-70

ГЛАВА II. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

1.2. Предпосылки трансформации таджикского общества и их влияние на политические действия субъекта.....	71-98
2.2. Перспективы политических действий субъекта в Республике Таджикистан по интеграции страны в пространство СНГ.....	98-123

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	124-130
------------------------	----------------

Список использованной литературы.....	131-146
--	----------------

Введение

Актуальность темы диссертации. В начале третьего тысячелетия человеческое сообщество столкнулось со многими серьезными вызовами, которые преподносят современная эпоха и опыт социального прогресса. Один из таких угроз связан с, наполненным новым содержанием, самого понятия «политическое», которое вытекает из содержания, происходящих в современной цивилизации, социокультурных, институциональных, этно-национальных и других трансформационных процессов.

На фоне превращения политики в матрицу социальной рефлексии на трансформации в сфере человеческой культуры и изменение механизмов интерполяции личности в политику, популяризация граждан как основы и субъекта политической власти и изменение её роли, перекраивание политики и её деидеологизация, имплицативность политического пространства, внезапность и риск превратились в естественные атрибуты политического действия индивидов. Существующие в современном мире вызовы, диктуют проведения рациональной и цивилизованной политики, основаниями которой служат координация интересов крупных социальных групп, институтов, способность нейтрализовать кризисные и конфликтные ситуации, долгосрочное прогнозирование, имеют глобальный характер.

Несомненно, ответами на эти угрозы, в рамках существующей теории и методологии политической науки, могут быть критическими, реалистическими, но слишком недостаточными с точки зрения императив обстоятельств предупреждения и получения выводов, а также рекомендации по формированию техники манипулирования поведением человека и институтов в политике. А все это являются не очень эффективными и очень разрушительными по своим последствиям вызовы, которые могут привести к лишению политического действия его рациональности.

Закономерно, что недостаточность и локализованность, функционирующих в обществоведческой науке, подходов к анализу социально-политических процессов ставит перед исследователями задачу

разработать новые системы интерпретации и обоснования политического действия субъекта. Стоит признать, что неодинаковые исследовательские трактовки данного феномена, скорее всего, дополняют друг друга, способствуют синтезировать объективные и субъективные предпосылки активности субъектов в общей картине, осуществляемых ими, политических действий.

Современные условия существования государств в многополярном мире требуют от учёных-обществоведов разработать новые концептуальные подходы не только теоретически-познавательной направленности, при помощи которых можно было бы диагностировать состояние политической системы и общества в целом, но и обозначить её конструктивно переустраивающие функции. В связи с этим, исследователями ведётся интенсивная работа по созданию теорий и концепций, которые стали бы базой для современных политических технологий, в которых будут применены самые разнообразные части научных знаний и методов гарантирования политической деятельности субъекта действий.

Более того, разработку проблем, связанных с сущностью, типологией и форм политическими действиями субъекта в условиях приобретения Таджикистаном государственной независимости, исследователи не проводили, что ещё раз указывает на степень актуальности темы диссертационной работы.

Все это в совокупности и ряд других объективных причин обусловили выбор феномена политического действия в период трансформации общества, как объект исследовательских изысканий.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы, связанные с теорией и практикой политического действия, в последнее десятилетие прогресса человеческой цивилизации, всегда находились в центре внимания учёных и специалистов, как общественных, так и гуманитарных наук.

В опубликованные, отечественными и зарубежными исследователями-философами в последнее время, монографии и статьи,

объектом анализа обозначились разные аспекты проблемы политического действия.

Как известно, категорию «политическое действие» используют, практически, все существующие теоретико-методологические подходы, и она представляется базисной для политической отрасли знания, хотя категориальное осмысление данного понятия, в имеющихся работах, не вырисовывается достаточно четко.

Разумеется, в науке существует немало понятий-синонимов, которые нередко применяются как замещаемые. Тем не менее, имеется в наличие немало публикаций, которые посвящены описанию и анализу дискретных аспектов политических действий, к тому же, предметная область некоторых из разработок является не совсем социально-философской. Изучением отдельных сторон проблемы политического действия субъекта занимаются исследователи в области социальной и политической философии политологии, социальной и политической психологии, юриспруденции социологии управления и других отраслей гуманитарных наук.

Разработке сугубо общих теорий социального действия, которые служат теоретико-методологической базой для разработки и осмысления понятия политического действия, посвящены труды П. Бурдье, М. Вебера, Т. Парсонса, А. Шюца¹ и других известных западных исследователей.

Схематичный анализ феномена политического действия осуществлён в исследованиях таких современных российских учёных, как А.И. Демидов, М.В.Ильин, В.А.Мельник, Г.В.Пушкарева, В.Ю.Шпак² и др. отечественных авторов.

¹ Бурде П. Практический смысл. - СПб., 2001; Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990; Парсонс Т. О структуре социального действия. - М.: Академический проект, 2000; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. - М.: ФОМ, 2003.

² Демидов А.И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // Политические исследования, 2002. - №3; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997; Мельник В.А. Политология. - Мн.: Высш. шк., 1996; Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Политические исследования, 2003. - №3; Её же. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Политические исследования, 2004. - №4.

В работах Г.В. Голосова, Д.В. Гончарова, Е.Ю. Мелешкиной, В.Д. Нечаева, А.И. Соловьева, М.Р. Холмской, Ю.Д. Шевченко и др.¹ исследуются проблемы электорального поведения и политического участия в современном российском обществе. Основные положения разработок этих учёных стали материалом для фиксации главных особенностей политического действия как понятия, которое выражает специфическую форму политической активности субъекта.

Труды зарубежных и российских исследователей Дж. Аткинсона, Л.Я. Гозмана, А.А. Дегтярева, Т.Н. Заславская, Д. Канемана, Д. Качоппо, М. Лоджа, А. Маклелланда, Р. Петти, А. Тверски, Ч. Тейбера, П. Фрезера, Ш. Чейкена, Е.Б. Шестопаля и др.² посвящены изучению мотивации политических акторов, формирования политических предпочтений, обработки индивидом политической информации в рамках социальной и политической психологии.

Изучению влияния институтов и формальных правил на формирование субъектом стратегии и тактики своего политического действия, а также их воздействие на его процесс и результат, посвящены работы основоположников институционального и неинституционального подходов Д. Норта, Дж. Марча, Й. Ольсена, а также представителей

¹Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных Выборов // Политические исследования, 1997. - №4; Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. Политические институты и мотивация законодательной деятельности в российском парламенте // Общественные науки и современность, 2001. - №6; Гончаров Д.В. Теория политического участия. - М.: Юристъ, 1997; Мелешкина Е.О. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Политические исследования, 2002. - №5; Её же. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. трудов. - М.: 2001; Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования, 2002. - №5; Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Политические исследования, 2002. - №6; Его же. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической интерпретации // Политические исследования, 2002. - №3; Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования // Политические исследования, 1999. - №5; Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: основные подходы // Политическая наука, 2000. - №4.

²Гозман Л.Я., Шестопаля Е.Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996; Дегтярев А.А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы // Политические исследования, 2004. - №4; Заславская Т.Н. Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность, 2001. - №5; Olson M. The logic of collective action. - Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1995; Fraser P. Seitel. The practice of PR. - N.Y., 1998.

данного направления в современной российской политической мысли - С.Г. Кирдиной, К.Е. Коктыша, В.Д. Нечаева и др.¹

В плане социологии управления, политическом менеджменте и маркетинге, изучения технологических аспектов политического действия можно выделить работы М.Г. Анохина, А.А. Коноплева, М.Е. Кошелюка, В.В. Лобанова, Е. Малкина, С.А. Морозова, М.Ю. Павлютенковой, Г.Г. Почепцова, Л.В. Полякова, И.А. Савченко, К.В. Симонова, И.И. Скрипюка и др.,² которые посвящены исследованию различных политических технологий, используемых в современной российской политической практике.

К сожалению, следует констатировать, что в учёной среде Республики Таджикистан проблема политическое действие субъекта относится к категории почти не изученных. За исключением исследования А.С. Саидова, в которых политическое действие рассматривается как особый вид социальных действий национального субъекта,³ других разработок, где рассматривался бы хоть один из аспектов этого сложного социально-политического феномена, отсутствуют.

Тем не менее, термин политического действия разрабатывается и широко используется в различных областях научного знания об обществе, и каждая из научных дисциплин имеет собственное представление о содержании данного понятия. Они также интерпретируют его, исходя из

¹Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Япония сегодня, 1997; Ольсон А. Социология и телевидение. Политическая сила телевидения: реальность мифа? (Обзор семинара) // Политические исследования, 1994. - №6; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск, 2001; Коктыш К.Е. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития // Политические исследования, 2002. - №4; Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования, 2002. - №5.

²Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2000. - №2; Коноплева А.А. Политическое участие граждан в условиях формирования российского общества: Дисс. ... канд. полит. наук. - Тула, 2001; Лобанов В.В. Анализ государственной политики. - М., 2001; Морозов С.А. Культура политического управления. - Краснодар, 1999; Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. Серия «Информационные войны». - М.: СИНГЕР, 2000; Его же. Информационно-политические технологии. - М.: Центр, 2003; Савченко И.А. Технология политического действия в трансформирующемся обществе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - Ростов н/Д., 2005; Скрипюк И.И. Политическая реклама и политический PR в России // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / под ред. Большакова В.Ю. - СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.

³Саидов А.С. Нация как субъект социального действия. - Минск-Душанбе, 1999; Его же. Национальная синергия и переходный период. - Душанбе, 2005 и др.

того, какая смысловая нагрузка политического действия может быть полезна в исследовании феноменов, лежащих в предметной области данных отраслей науки.

Всё это в совокупности предполагает и ставит перед исследователями задачу в рамках познавательных возможностей обществоведческой науки сформулировать более общее понятие политического действия и выработать исходное представление о его базовых характеристиках. Такая необходимость вытекает из содержания императив отборочного регламента, требованиями социально-философского анализа, и тем, что, каким бы верным не выглядело суть феномена «политическое действие» в проведённых исследованиях практического направления, оно всегда представляется многогранным. Впрочем, именно это понятие имплицитно способствует возникновению теоретико-познавательных установок, которые служат оригинальной призмой, и через них осмысливается конкретная проблема социально-политического характера.

Объектом исследования выбрано политическое действие как вид массовых социальных действий субъекта.

Предметом анализа определено сущность, структура, виды политического действия субъектов, а также специфика его проявления и перспективы в трансформирующемся обществе.

Целью диссертационной работы является обоснование и акцентуация политического действия как самостоятельного социального конструкта мирового сообщества вообще и трансформирующегося общества, в частности.

Для достижения этой цели в исследовании ставятся и решаются следующие **задачи**:

- опираясь на, существующие в социально-политических науках, методологические установки, определить сущность, структуру и специфические особенности понятия политического действия путем

сравнительного анализа с другими, близкими ему по содержанию, терминами;

- акцентировать основные виды и формы политического действия людей в его тесной взаимосвязи и взаимодействии с деятельностью субъекта, в пространстве конкретно существующей политической системе;

- выявить и обосновать факторы, детерминирующие и мотивирующие действия субъекта, имеющие социально-политическую направленность, проанализировать их сущность, типологию и виды, которые носят, как объективный, так и субъективно-властный характер;

- установить и аргументировать предпосылки трансформации таджикского общества и их влияние на политические действия национального субъекта, рассмотреть, в этой связи, разработанные ведущими исследователями, модели политических действий актора в переходном периоде к демократическому обществу;

- фиксируя сущностные черты сотрудничества стран в постсоветском пространстве, обозначить и прогнозировать перспективы политических действий субъекта в Республике Таджикистан по её интеграции в пространство СНГ.

Методологическая и источниковая база исследования.

Методологическую основу анализа составляют конкретно-исторический, системно-аналитический и сравнительный методы исследования, а также диалектический, когнитивный, коммуникативный, компаративный, структурно-функциональный, синергетический, неинституциональный и другие парадигмы познания социальных явлений.

Научное обсуждение проблемы проводится на базе таких ключевых принципов методологии познания социально-политической действительности, как объективность, комплексность, историчность, системность в изучении обозначенной проблемы.

В процессе раскрытия содержания темы были применены общенаучные логические методы анализа и синтеза, абстрагирования и

моделирования. Они нашли своё применение, в зависимости от поставленных целей и задач, в непохожих комбинациях и разных этапах анализа.

Источниковой базой разработки проблемы послужили труды известных зарубежных и отечественных философов, политологов, историков, культурологов, социологов, этнологов и др.

Научная новизна диссертационной работы состоит в следующем:

- впервые в отечественной социально-философской науке в рамках её методологических возможностей осуществлена попытка комплексного анализа проблемы политического действия субъекта в период трансформации общества;

- сформулированы сущность, структуру и специфические особенности феномена политического действия, как особого вида социальных действий субъекта путем сравнительного анализа с другими, близкими ему по содержанию, понятиями;

- на основе существующих в науке определений, выработана авторская интерпретация понятия «политическое действие», как категория социально-философской науки;

- в тесной взаимосвязи и взаимодействии с деятельностью индивидов, в пространстве конкретно существующей политической системе определены основные виды и формы политического действия субъекта;

- установлены и проанализированы детерминирующие и мотивирующие политические действия субъекта, факторы, рассмотрено их сущность, типология и виды, носящие, как объективный, так и субъективно-властный характер;

- зафиксированы и обоснованы предпосылки трансформации таджикского общества и их влияние на политические действия национального субъекта, изучены, разработанные ведущими исследователями, модели политических действий актора в переходном периоде к новому общественному строю;

- обозначены сущностные черты сотрудничества стран в постсоветском пространстве и осуществлена попытка прогнозировать перспективы политических действий субъекта в Республике Таджикистан по её интеграции в пространство СНГ;

В качестве основных **положений, выносимых на защиту**, предлагаются следующее:

1. Термин «политическое действие» в научной литературе учёные стали использовать сравнительно недавно, и его, впервые как понятие, в научный оборот ввели исследователи проблем феномена социального действия, выделяя в качестве специфической формы действия субъекта. Затем, оно постепенно стало широко применяться и в других отраслях обществоведческой науки, в частности и в политологии.

При анализе генезиса феномена действия в политической науке можно обнаружить, что изначально оно уподоблялось поведению субъекта. То есть, под политическим действием подразумевалось всякое поддающееся наблюдению, открытое поведение, демонстрируемое в рамках политической системы индивидом или социальной группой (Вебер, Парсонс и др.), что не совсем полномасштабно отражает его сущность.

Осмысление понятия «политическое действие» может быть более продуктивным в сравнении его с другими понятиями, характеризующими различные типы политической активности субъекта: политическим участием, политическим поведением, политической деятельностью и др.

2. Безусловно, как и всякое другое социальное явление, политическое действие субъекта объективно детерминировано и мотивировано конкретными условиями. При этом точно охарактеризовать детерминанты и регулятивы политических действий субъекта нет возможности, потому что вводить достаточно большое количество переменных, которые наиболее полно отражали бы их качественную определенность, создает, фактически, неодолимые преграды с верификацией. Более того, оценить силу детерминирующих и регулирующих факторов, к тому же, крайне

ориентировочно, возможно исключительно в стабильно равновесных состояниях политической системы, поскольку условное значение этих факторов действий субъекта меняется заодно с изменением самой обстановки. Разумеется, в неустойчивых ситуациях, когда первоначальные условия систематически и непредсказуемо изменяются, осуществить прогностическую оценку их влияния на политическое действие людей на самом деле невозможно, и здесь нужно исходить из вероятностного характера детерминации и мотивации действия субъекта.

Тем не менее, можно отметить, что детерминация и мотивация политического действия субъекта складывается, прежде всего, из таких рациональных и иррациональных факторов, как потребности, интересы, цели, установки, формирующиеся в процессе социализации, а также субъективная оценка существующей ситуации и прогнозы индивидов на будущее.

3. Политические действия субъекта всегда продиктованы свойствами социально-исторического периода развития и определяют, связанные с сохранением общества и потенциальных возможностей его эволюции, задачи. В трансформационный период, который характеризуется как время кризиса относительно универсальных представлений о социуме, идеологических представлений и норм организации общества, активизируются социокультурные механизмы, благодаря чему моделируются совершенно новые критерии действий политического субъекта и намечаются перспективы их изменения. Цель таких действий заключается в новом обозначении смысловых границ их осуществления, ускоренном воспроизводстве предполагаемых результатов, не позволяющих субъекту слиться с окружающим его миром и прекратить свою относительно целостную, преобразующую деятельность.

В любом национальном обществе, в том числе и в Таджикистане, трансформационный период сопрягается рецидивами влияния окружающей реальности, иногда противоречащими действующим нормам социально-

политического ранга, становлением социокультурных пространств. Их невозможно контролировать доминирующими способами организации системы, социальными институтами, увеличением для субъекта политических действий и общества, в целом. На этом этапе появляются средства для качественно новых технологий управления политических действий субъекта, которые связаны с эффектами изменений инновационного характера, обуславливающими более тесный контакт между властью и обществом, минимизирующий между ними промежуток.

4. Перспективы политических действий субъекта в Республике Таджикистан по интеграции в рамках СНГ видится, прежде всего, в широкоформатном и разностороннем сотрудничестве с другими постсоветскими странами, которое обусловлено рядом корреляций, вытекающих из современного его состояния. Это, прежде всего:

а) реакция суверенных государств на усиление влияния внутренних и внешних факторов, которые могут ускорять центробежные тенденции на пространстве Содружества;

б) активная и последовательная политика Российской Федерации в пространстве независимых постсоветских республик и эффективность ее влияния на процессы, имеющие внутрирегиональный характер;

в) наличие политической воли руководства и национальной элиты стран Содружества Независимых Государств по реализации интеграционных планов;

г) позиция населения стран СНГ к его перспективам и дальнейшей судьбе.

Научно-практическая значимость диссертационной работы. Теоретическая ценность проведённого анализа определяется тем, что она позволяет более глубоко осмыслить разные аспекты проблемы политического действия субъекта в условиях трансформации общества. Предложенное диссертантом определение понятия «политическое действие», его структуризация и выработанные положения способствуют

углублению научных знаний, усиливают понятийный аппарат социально-философской науки.

Полученные в ходе исследования результаты и выводы, в практическом плане могут быть использованы при разработке спецкурсов по политическому анализу происходящих в современном социуме процессов, а также при чтении курса лекции по таким дисциплинам, как «Социальная философия», «Политология», «Конфликтология», «Политическая социология» и других студентам вузов, магистрам и аспирантам.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела социальной философии Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (Протокол № 8 от 24 апреля 2018 года). Значимые положения и полученные результаты работы излагались в докладах и выступлениях диссертанта. Основное содержание исследования отражено в опубликованных статьях автора в журналах, реферируемых ВАК при Минобразования и науки РТ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА

1.1. Политическое действие субъекта: понятие, специфика и структура

Следует отметить, что в научной литературе термин «политическое действие» стал использоваться сравнительно недавно. Его, как понятие, в научный оборот ввели исследователи проблем феномена социального действия. Опираясь на имеющихся в опубликованных исследованиях мнений, где характеризуются основные виды массовых действий людей, политическое действие выделяется как специфическая форма социального действия субъекта.¹ Затем, данное понятие постепенно стало широко применяться и в других отраслях обществоведческой науки, в частности политологии.

При анализе генезиса феномена действия в социально-философской науке можно обнаружить, что изначально оно уподоблялось поведению субъекта. То есть, под политическим действием подразумевалось всякое поддающееся наблюдению, открытое поведение, демонстрируемое в рамках политической системы индивидом или социальной группой (Вебер, Парсонс и др.).

При такой интерпретации политического действия, скорее всего, учтено то, что обычно субъект, предпринимая какое-либо действие, не задумывается над определением его характера, и осуществляет его, исходя из своих интересов, устремлений, нередко просто воспроизводит, ставшие привычными, модели поведения. В таком понимании политическое действие представляется как незапланированное, спонтанное поведение, либо воспринимается как необходимая часть последовательного процесса

¹Саидов А.С. Нация как субъект социального действия / А.С. Саидов. Нация как субъект социального действия. - Минск-Душанбе, 1999. - С. 51.

принятия и осуществления индивидом решений. В таких ситуациях, ответ на действия, совершаемые другими субъектами, называется реакцией.

Совершенно очевидно, что приставка «политическое» к действиям людей появляется тогда, когда наблюдатель, исследователь или сам субъект хотят подчеркнуть особое их качество, его направленность на воспроизводство основного сегмента жизнедеятельности общества, который называется политикой. По нашему мнению, искать некую глубинную сущность политического в реалиях жизни современного общества вряд ли будет иметь перспективу, поскольку понятия «политика» и «политическое» в науке используются лишь для обозначения, отличающихся по некоторым своим свойствам от большинства других явлений и процессов социальной действительности, определенных явлений и процессов.

Важнейшим из этих признаков является система институализированных властных отношений, объединяющая и скрепляющая социум, и в центре которых находится государство. Разумеется, любое действие, в котором проявляется готовность субъектов воспроизводить, изменять, разрушать данную систему властных отношений, в определённой степени, можно характеризовать как политическое.

Такая фиктивная условность определения политического действия не полагает предать забвению главного – реальных поступков большинства граждан, без которых не могли бы функционировать, как объективная реальность, официально установленные политические связи, политические группы и организации, политические культурные нормы и ценности, поступков. При отсутствии каких-либо из этих поступков, существующая политическая реальность, иногда не трансформировалась бы существенным образом. В связи с этим, под понятием «политическое действие» можно подразумевать всякий поведенческий акт, значение которого можно истолковать как участие субъекта в воспроизводстве, развитии и преобразование реалий политических процессов.

Характерно, что действия социального субъекта в рамках политического управления общества продуцируют особый отрезок политических отношений: позиции политического лидерства, факт влияния групп прессинга на госструктуры и государственных должностных лиц, электоральные процессы, массовые политические акции, пропаганда политических ценностей, оценок и точек зрения. Вместе с тем, не очень важно, стремился ли индивид к целенаправленному участию в этих мероприятиях или его вовлечение в происходящую политическую акцию случилось под влиянием незакономерных факторов. К примеру, независимо от того, по какой причине субъект принимает участие в, организованной политической партии, акции (пришел, потому что разделяет взгляды организаторов митинга, или пришел «за кампанию» со своим приятелем, желая каким-то образом провести свое свободное время), он становится её участником, и совершает действия. Эти действия, согласно их объективной характеристике, являются политическими.

Можно сказать, что любое политическое действие имеет свою «предысторию» в виде ментальных и мыслительных процессов, позволяющих индивиду оценить сложившуюся ситуацию и сделать выбор. Эти процессы обычно протекают настолько быстро, что субъекту, принимающему решения, кажется, будто все произошло само собой, без внутренних психологических усилий. Однако, как бы ни были скоротечными, ментальные и мыслительные процессы, их всегда можно логически разложить на ряд этапов:

- 1) узнавание предметов создавшихся ситуаций, их оценка как полезных, нейтральных, вредных, а также формирование интересов;
- 2) актуализация имеющихся в памяти знаний, ценностей, норм поведения;
- 3) формирование цели и программы действия, включающей начало, последовательность и т. п. операций, из которых состоит действие;

4) адаптация наличных средств для реализации намеченной цели; реализация разработанной программы в данной ситуации и ее корректировка на основе обратной связи;

5) получение какого-то результата в виде изменения ситуации и приобретения предмета потребности.¹

Выделение этих этапов позволит нам лучше понять, как идут процессы формирования и актуализации мотива политического действия. Последовательный анализ каждого из этих этапов когнитивного процесса и позволяет выяснить, как передвижение из одного этапа в другой приближает субъекта к совершению политических действий. В этой цепи большое значение имеет любая информация извне, которая может спровоцировать в сознании субъекта когнитивный процесс с возможным его перерастанием в политическое действие. Например, информация о смене правительства, готовящейся акции протеста, о повышении цен, о террористическом акте, о свежих лозунгах, побуждениях и целях других индивидов и т.д.

В то же время сообщение совсем не обязательно должно распространяться от политических лиц, которые намерены повлиять на действие других субъектов или иметь политический пафос. Информация об увольнении с работы, слухи о том, что в соседнем регионе рабочие получают более высокую плату за свой труд, а также всякое социальное сведение может стать ключевой в какой-то конкретный момент для человека, толкать его на определенное действие. Обстановка, которая способна спровоцировать субъекта к конкретным политическим действиям, чаще всего, бывает довольно сложной, поскольку она требует принятия во внимания ожиданий разного рода индивидов и социальных общностей, включенных в ее орбиту. Их несовпадение или несоответствие ценностным ориентациям субъекта, когда он должен делать выбор, нередко вводит его в

¹Понятие и признаки социального действия / Интернет-ресурс: [www. grandars.ru/college/sociologiya/...](http://www.grandars.ru/college/sociologiya/)

ситуацию внутреннего накала. Участвовать в политической акции или побыть с семьей, менять свое задуманное под влиянием новых данных голосовать за уже выбранного кандидата или нет, отстаивать свои убеждений, когда соратники их не разделяют или нет – это лишь те немногие примеры вероятного внутреннего напряжения субъекта действий, обозначаемого, введенным Л. Фестингером, термином «когнитивный диссонанс».¹

Как известно, основоположник теории действия в социологии - Т. Парсонс преднамеренные или мотивированные поступки индивидов назвал простейшими элементами их социальных действий.² Однако понятие «действие» в политическом смысле последователи этой теории относят к поведению людей, стремящихся занять определенное положение или приобрести влияние в государственном управлении; к выработке и проведению в жизнь государственной политики, а также к поведению государства в решении вопросов международного значения. Отдельные виды действий, по их мнению, превращаются в типичные, и повторяются регулярно. Научное осмысление типовых действий, в некоторой степени, может способствовать пониманию политических решений, а в отдельных случаях стать твердой базой для прогноза политических процессов. Хотя такой подход к анализу феномена политического действия имеет определенный научный смысл, однако, он не удовлетворяет его широкий смысловой и формальный спектр.

Поэтому возникает необходимость разработки более приемлемого определения понятия политического действия, которое имело бы достаточно глубокое научно-практическое содержание. Для того, чтобы достичь эту цель следует, прежде всего, рассмотреть сущность и содержание таких понятий, как «политический процесс» и «политическая деятельность», являющихся одними из главных категорий в современной политологии и социальной философии.

¹Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса (A theory of cognitive dissonance) / [Пер. А. Анистратенко, И. Знаешева]. - СПб.: Ювента, 1999.

²Parsons T. To the general theory of action // Amer. Social. Rev., February 1965. Vol. XXV. - № 3. - P. 221-229.

В проведенных исследователями научных разработках, политический процесс, в самом общем смысле, определен как ход развития политических явлений, совокупность действий политических субъектов по осуществлению своих ролей и функций в сфере власти, обеспечивающих формирование и функционирование политической системы общества. В данном определении, как видно, центральное место отводится именно действиям политических субъектов. Примечательно, что политический процесс имеет сложную структуру, где, как доминирующие, выделяются следующие компоненты:

1. Субъекты политического процесса (институализированные и неинституализированные).
2. Политические интересы данных субъектов.
3. Политическая деятельность людей и их целенаправленные действия.
4. Складывающиеся в результате деятельности субъектов политического процесса - политические отношения.

Несомненно, политический процесс является результатом активности (борьбы) и действия различных политических сил, которые преследуют свои собственные интересы. Однако вопрос о том, кто конкретно может выступать субъектом политических действий - до сих остается объектом острых дискуссий среди исследователей в социально-политических науках.

Значение термина «субъект», в самом общем его смысле, в языковедческих источниках определяется следующим образом: "Тот (или то), кто (или что) познает, мыслит и действует, в отличие от объекта, как того, на что направлено мысль и действие. Объект существует независимо от субъекта".¹

Что касается субъекта политического процесса, то он - активно действующая личность, социальная группа, политическая организация или

¹Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. - М., 2000. - Т. 3. - С. 234.

общность, чьи действия направлены на достижение позитивных перемен в социуме, общественного благосостояния и устойчивого развития.

Если обобщить мнения большинства исследователей проблемы субъекта политического процесса, то им могут считаться те силы, которые способны реально участвовать в политическом процессе. Более того, субъект политического процесса - это конкретно-исторический носитель политической деятельности, целью которого является, в конечном счете, завоевание, защита и использование власти.

Уместно напомнить, что следует отличить субъектов политики от субъектов власти. В качестве последних, несомненно, выступают общественные группы (элиты, лобби) и отдельные индивиды (лидеры), выполняющие политические функции и реализующие властные полномочия.

Субъект политического процесса формируется закономерно в результате привлечения и активного участия людей в актуальных политических событиях. Отсюда обосновано, что статус субъекта политического процесса (по-другому – актора политического процесса) обретается путем политического и идеологического воспитания, усвоения политических норм и принципов, приобщения к одной или нескольким организациям или группам.

В существующей научной литературе исследователи в классификации субъектов политического процесса выделяют следующие их уровни: личность, социальные группы и общности, политические институты. В этой цепи личность всегда выступает потенциальным субъектом политического процесса, и чтобы реализовать себя в этом качестве, ему необходимо освоить политический опыт, выработать четкую позицию в политической жизни общества.

В этой связи уместно вспомнить утверждение французского философа и социолога - Алена Турена, который считает, что из анализа общественной

жизни не должно быть исключено понятие общества.¹ Таким образом, меняются абстрактные позиции анализа политических процессов, становления их движущих сил. Последние выступают как производные системы, где они, как автономные элементы, определяют характер и тенденцию изменений систем. А это, естественно, предполагает другого подхода к осмыслению политических процессов.

Бесспорно, в политических процессах, наряду с индивидуальными субъектами, участвуют и действуют социальные группы, цель и деятельность которых отражают коллективное сознание людей, объединенных в данной общности на основе исторически сложившихся устойчивых общественных связей. Деятельность группового субъекта в политическом процессе есть интегративный результат взаимодействия составляющих его индивидов. Оно, в соответствии с законом системности, отличается от простой суммы их персональных качеств, преимущественно определенными новыми кооперативными показателями. Всякая социальная общность становится субъектом политического процесса только тогда, когда самоорганизуясь, осознавая свои интересы, в определенной степени, может оказаться в противостоянии с другими общностями или же в позитивном взаимодействии с некоторыми из них. В то же время существует вероятность вступление ее в конфликт с существующей политической властью или сотрудничество с ней.

При этом нельзя упустить из виду то, что в любом полиэтническом обществе, его члены, безусловно, отличаются друг от друга по разным естественным свойствам и характеристикам (как врожденным, так и по приобретаемым в процессе жизни). В зависимости от степени наличия объединяющих их черты и свойства, они образуют конкретные группы (например, социально-этнические общности). В свою очередь, имеющиеся же различия между ними способствуют формированию того уровня

¹ Турен А. Социология действия // Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Вторая часть / Пер. с нем. Е. Самарской. - М., 1998.

общественной дифференциации, который затем может привести к самым серьезным социально-политическим последствиям.

Социально-этнические общности, как субъекты политического процесса, выполняют и важную социальную функцию. Они обеспечивают деятельность системы социального представительства, являющаяся фактором этнической консолидации, структуры, предназначенной для выражения и защиты социально и властно значимых интересов членов данной общности в политически неоднородной среде.

Характерно, что социально-этнические общности, обеспечивая деятельность системы социального представительства, выполняют также функцию посредника между гражданами и государством, что еще раз подчеркивает их статуса, как субъекта политического процесса.

Неоспоримый факт, что во взаимосвязи уровней субъектов политического процесса немаловажное значение имеют политические институты, которые изменяются вместе с преобразованием социальных отношений и интересов, по мере осознания населением их природы и роли в конкретной исторической ситуации. Фиксация политических институтов как субъектов политического процесса предполагает определить их сущность и роли в обществе. В этом плане они представляют собой таких учреждений политики, которые, прежде всего, устанавливают, исполняют и поддерживают власть, а также в насыщенной форме демонстрируют, имеющиеся в данной стране, политические интересы и отношения.

Если более содержательно охарактеризовать политические институты как субъекты политических отношений, то - это учреждения или система учреждений (государство, политические партии и политизированные общественные движения), организующих и обслуживающих процесс осуществления политической власти, обеспечивающих ее установление и поддержание, а также передачу политической информации и обмен деятельностью между властью и другими сферами политической жизни. Естественно, любой из них, как субъект политики, осуществляет свою

политическую активность через деятельность собственных лидеров, предводителей различных уровней и обычных соратников. Вместе с тем, они взаимодействуют с социальной средой в целях удовлетворения конкретных, к тому же постоянно меняющихся с течением времени личностных, общностных и групповых социально-политических интересов.

Обзор имеющихся в социально-политической науке публикаций по этой проблеме мнения исследователей показывает, что хотя все уровни совокупных субъектов, взаимодействуя, играют центральную роль в политическом процессе, все же первоначальным его субъектом, звеном, вне всякого сомнения, выступает личность и ее деятельностная сущность.

В этой связи важно иметь в виду, что основу любого социально-политического процесса составляет деятельность людей. Всякие изменения, которые происходили и происходят во всех сферах жизни общества, есть продукт деятельности социальных субъектов. Не подлежит сомнению то, что самым исторически распространенным видом человеческой деятельности является политическая, суть которой заключается в систематическом, сознательном вмешательстве личностей или социальных групп в систему общественно-политических отношений с целью преобразования ее соответственно своим интересам, идеалам и ценностям.

Стоит подчеркнуть, что американский социолог Т. Парсонс в своих работах очень часто обращался к анализу роли активного политического действия человека в образовании систем.¹ Именно посредством деятельности люди обмениваются ресурсами с окружающей средой, хотя при этом происходит деликт и реконструкция энергетического баланса в социуме. Разумеется, в таких условиях социально-психологический потенциал нации, ее способность преодолевать кризисы и катастрофы может стать вероятным потенциалом восстановления или сохранения системы. До того времени как в ведении этноса находится также ресурс

¹См.: Парсонс Т. Система современных обществ/Пер. с англ. Л.А.Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М., 1998; Парсонс Т. О структуре социального действия: Пер. с англ. - М., 2000 и др.

исторического творчества (способность осознавать себя единой нацией, уяснять свою историческую роль, умение отстаивать свои интересы и интересы общественного целого), он является политически и социально продуктивной общностью и может обеспечить политическую и социальную стабильность общества.

Другой американский социолог А. Этциони, совершенствуя теорию деятельностного подхода Т. Парсонса, создал концепцию коммунитаризма – "активного общества", подчеркивая значение мобилизационных сил коллективов и обществ.¹ Деятельностный подход позволил ему определить не только место политических элит, но и рядовых участников в политических процессах, хотя в неклассических теориях имеет место совершенно иное представление о роли участников политических процессов.

Согласно утвердившемуся в науке мнению, главным объектом политической деятельности значится социальное и политическое устройство общества. Рассматривая проблему ёмко – политическая система общества, ее социально-классовая структура, общественные отношения, институциональный и нормативно-правовой механизм политики обозначаются в качестве основного объекта политической деятельности. Наконец, в самом широком смысле, объектом политической деятельности выступает общество в целом.

Общеизвестно, что в истории науки мыслителями подчас ставилась цель построения совершенного социально-политического строя, и в обществоведение такой умысел называется политической утопией. Политическая утопия бывает абсолютными (те, цели которых принципиально не осуществимы) и относительными (те, которые в принципе осуществимы, но не в данных исторических условиях). Заметим, что непредвзято утопии характеризуются как мощный стимул к социально-

¹Etzioni A. From Empire to Community. - N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004.

политической активности, хотя иногда они негативно влияют на историческое развитие.

Важно иметь в виду, что узловым мотивом политической деятельности, императивом социальной активности индивидов выступают их потребности и интересы. В этой связи совершенно обосновано суждение Г. Гегеля, что «...действия людей вытекают из их потребностей, страстей и интересов»¹, поэтому осознание субъектами политической деятельности своих интересов чрезвычайно важно.

Естественно, политическая деятельность базируется на совокупности взглядов и представлений, которых в науке называют идеологией (осознание социальными группами, обществом своих интересов и места в системе общественных отношений). Особо значимо на действиях субъекта политической деятельности сказываются знания, источником которых являются философские, общенаучные, идейно-политические теории, отражающие социально-исторический опыт человечества.

Совершенно очевидно, что такие социальные нормы и ценности, как моральные, этические, эстетические, экономические, идеологические, национальные и другие могут существенно повлиять на политическую деятельность субъекта. Не менее значимым элементом мотивационного устройства политической деятельности считаются эмоционально-психологические переживания, поскольку политика является одной из самых пафосных сфер деятельности личности, и детерминирует высокий накал страстей. Стимулирующими предпосылками политической деятельности могут выступить общественное мнение и политические мифы.

Несомненно, средства, приемы и методы политической деятельности (митинги, манифестации, выборы, референдумы, речи и призывы, собрания, встречи, переговоры, консультации, декреты, реформы, восстания, революции, войны и другие) чрезвычайно разнообразны. Между тем,

¹Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии религии [III, II, 3] / Гегель Г.В.Ф. Философия религии. - М., 1977. - Т. 2. - С. 256.

результаты политической деятельности выражаются в изменениях, как в политических ситуациях, так и в социально-политическом устройстве.

В то же время, деятельность субъектов политических действий может быть осуществлена либо в диапазоне политических институтов или вне их рамок. При этом государство в иерархии политических учреждений выделяется как властвующий институт, хотя, наряду с ним в политических процессах участвуют партии и другие политические организации.

Абсолютно обосновано, что политическая деятельность выражается в конкретных политических действиях, поведении, поступках и акциях социальных субъектов, чтобы добиться желаемых результатов. Встречные действия тех, чьи интересы при этом затрагиваются, как уже выше было отмечено, называются реакцией.

В то же время, политическая деятельность, представляет собой совокупность политических действий, которые поддаются наблюдению, и являются открытым поведением, демонстрируемым в рамках политической системы личности, социальной группой или общности. Действия субъекта подобного содержания могут представлять собой нецеленаправленное, спонтанное поведение, или же быть фрагментом логичного процесса утверждения и реализации, принятых им, решений. Если социальные общности, группы и индивиды обладают возможностями, способностями и ресурсами принимать политические решения, влиять на них и нести ответственность за свои политические поведения, они могут стать субъектами действий.

Однако нельзя заметить тот факт, что сфера политических отношений очень сложная и многообразная, куда входят институты, процессы, действия, а также многообразные системы обоснования политического поведения и политического участия субъекта. В связи с этим иногда трудно разграничить некоторые смысловые аспекты понятий политического поведения, политического участия и политического действия субъекта, хотя

они имеют свои собственно специфические сущности и отражают разные явления в политическом процессе.

Согласно существующим в науке определениям, политическое поведение – это совокупность реакций социальных субъектов (социальных общностей, групп, личностей и т.п.) на деятельность политической системы. Оно считается мотивированным процессом, в нем находят воплощение различные виды политической деятельности, т.е. это понятие по смыслу шире, чем понятие «политическое действие». Особенности политического поведения связаны со спецификой политической сферы, которая предполагает, что все "политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть разделение на группы “друг – враг”, и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает.”¹ Современная социально-политическая мысль использует несколько подходов для объяснения феномена политического поведения. К её основным направлениям относятся: экономическое, социологическое и психологическое. В ряде случаев возможны их интеграция, комплексное использование с целью получения объективного представления о "целостном человеке" – избирателе.

Что касается понятия «политическое участие», близкое по значению с понятием «политическое поведения», то оно является одним из видов, политического действие (наряду с абсентеизмом), и означает влияние граждан на функционирование политической системы, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. Совершенно обосновано утверждение американских исследователей, которые утверждают, что политическое участие - “это, прежде всего, инструментальная активность, посредством которой граждане пытаются

¹Шмитт К. Понятие политического поведения / «Вопросы социологии», 1992. - № 1. - С. 128.

влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия”¹.

К политическому участию относятся электоральное поведение (действия по делегированию полномочий), активистская деятельность, направленная на поддержку кандидатов и партий в избирательных кампаниях посещение митингов, участие в демонстрациях, участие в деятельности партий и групп интересов. Участие граждан в политике является неотъемлемым атрибутом современного демократического общества. Оно дает людям возможность быть субъектами политики, влиять на решения важнейших общественных проблем и определять условия своего существования. Политическое участие представляет собой разновидность политической деятельности.

Естественно, политическое действие, как социальный феномен, имеет свои специфические особенности, и его нужно характеризовать с учетом различных критериев. Например, существует позитивное политическое действие, сущность которого заключается в том, чтобы субъект должен совершать какие-то поступки для достижения своих, конкретно поставленных целей. Или различают негативное политическое действие субъекта, состоящее в том, чтобы приостановить начатое дело.

Политическое действие можно квалифицировать и как рациональное, которое означает, что его субъект имеет ясное представление о целях, знает сообразные этим умыслам методы, может эффективно использовать их, устанавливая систему приоритетов. Он также должен быть способен флуктуировать стратегию, если она не способствует достижения желаемых результатов.

Другой вид политического действия - иррациональное, при осуществлении которого его субъект, не имея четкого представления о

¹Голованов Б.Д. Политология (Текст лекций). – Харьков: НТУ «ХПИ», 2004. - С 183.

конечной цели, использует в действительности неадекватные существующим условиям формы и методы политических действий.

Исторической практике известно и инерционное политическое действие субъекта, которое репродуцирует утвердившиеся нормы поведения, функционирующую политическую систему, удерживает ее. Такой вид действия - творческий, и вносит в политический процесс перемены, новые моменты, динамику.

И, наконец, политические действия субъекта могут быть организованными или стихийными. К первому можно отнести действия элит, которые в силу существующих реальных условий, являются более организованными. Это, как правило, позволяет им сохранять свое господство, разрабатывать необходимую стратегию и тактику, претворять в жизнь свои планы. Безусловно, всякий вид политического действия субъекта не лишен определенной доли, как стихийности, так и случайности, несогласованности.

Вне всякого сомнения, перечисленные виды политических действий субъекта тесно связаны с процессами общественных преобразований и зависят от причастности политических сил к действительности. Результат политических действий субъектов – либо быстрое, или медленное изменение существующих политических систем.

В современной науке изучение типологии политических действий субъекта, как весьма сложного явления, предполагает использования множества подходов. Обычно в исследователи в своих публикациях относительно вызываемых последствий в политико-властных отношениях выделяют следующие типы действий: революции, восстания, контрреволюции; реформы и контрреформы; политические перевороты.

Они также, учитывая специфику субъектного взаимодействия, выделяют такие политические действия в рамках механизма власти, как формирование властных структур, разработка программ, подбор кадров; реализуемые верхушкой власти политико-управленческие решения, а также

действия по отношению к структурам власти, такие как формирование политического представительства, контроль и другие. Здесь ключевую роль играет деятельность правящей элиты, т.е. внутренняя и внешняя политика государства.

Стоит заметить, что в типологии данного феномена, наряду с другими, выделяются рациональные и иррациональные, стихийные и организованные политические действия субъекта. Относительно последним, следует констатировать, критериями их организованности выступают политическая стратегия, которая предполагает четкий план действий на длительном, определяющем этапе, и тактика, представляющая собой выбор и проведение различных акций, операций и т.п.

В этой цепи можно перечислить и такие типы политических действий субъекта, как простые и сложные, институционализированные – регламентируемые законом, нормами и обычаями и другими, а также и неинституционализированные – те, которые связаны с решением проблем, не предусмотренных официально. Согласно типологии политических действий субъекта, они могут быть позитивным взаимодействием, конкуренцией, соперничеством или борьбой.

Как уже выше нами было отмечено, в публикациях, посвященных анализу проблемы политического действия, в качестве основных его типов определены революция и реформа. Первый тип, т.е. революция, как известно, представляет собой резкий скачок в историческом процессе, коренное преобразование всех сторон жизни населения, в первую очередь, структуры власти в обществе, радикальное изменение его политической системы. В результате осуществлении революции одна правящая элита отстраняется от власти и ее заменяет другая.

Так как после победы революции не все слои общества будут поддерживать происходящие изменения, определенная часть населения формирует движение (контрреволюция), которое выступает против смены власти. Контрреволюция, представляющая собой конкретную форму

политического действия субъекта – это политическое движение, руководимое отстраненными от власти классами, их ячейками, а также теми, кто не согласен с революцией, целью которой является свержение победившего класса и реставрация прежнего строя.

Что касается реформы, как своеобразного типа политического действия субъекта, то она предусматривает постепенность социально-экономических и культурных изменений, преобразований, нововведений, переустройства отдельно взятой сферы общественной жизни, при этом, не подрывая основ власти правящей элиты, существующего строя и его социально-политической структуры.

Помимо вышеназванных типов, касающихся в целом политическую систему общества, субъектом политические действия могут осуществляться и в других формах, которые не приводят к смене господствующего политического строя. К числу таковых можно отнести такие действия политического субъекта, как восстание, бунт, мятеж, путч и др.

Напомним, что восстание, которому присущ определённый уровень организованности, конкретные цели, зафиксированные в программах или лозунгах субъектов действий, есть эксплицитное выступление определенных социальных групп или классов против политической власти. Бунт - это форма массовых политических действий людей, ответная реакция субъекта на какие-либо экстраординарные действия господствующей политической элиты или государственных органов. Бунт, в отличие от восстания, лишен целенаправленности, минимумом организованности, управляемости и исчерпывает себя сопротивлением отдельным действиям власти.

Что касается мятежа, то он представляет собой вооружённое выступление, которое подготовлено определённой группой лиц, включающее в себя ограниченное число людей, нежели во время бунта. Как свидетельствует практика, обычно костяк мятежа составляют представители

армии или других силовых структур, к которым примыкают отдельные слои населения.

Форма политических действий субъекта, инициированная небольшой группой заговорщиков, содержание которого составляет авантюристическая попытка совершить государственный переворот, называется путчем. Он обычно выражается в вооружённых действиях и не имеет широкую поддержку. Субъект путча не учитывает существующую ситуацию и не имеет продуманную программу.

Политическая кампания как система действий, рассчитанных на достижение определённых целей субъекта, наподобие изменения структуры власти в обществе, перераспределение политических полномочий, формирование органов власти и др. также относится к важным формам политических действий.

К числу специфических форм действий субъектов относятся также митинги, демонстрации, забастовки, собрания, пикетирование, шествия и т.д. Выборы и проведение избирательных кампаний, референдумы, официальные визиты государственных, партийных делегаций в другие страны, дипломатические переговоры образуют особые массовые формы политических действий людей.

Вне всякого сомнения, политические действия ориентируют массового субъекта на достижение определенных целей, выражающих интересы различных групп, которые облекаются в теоретическую, идеологическую форму.

Совершенно очевидно, что оно представляет собой сознательное и добровольное вмешательство отдельной личности, социальной группы или общности в отношении власти данной системы с целью приспособления ее к своим интересам, идеалам и ценностям.

Примечательно, что политическое действие всегда совершается субъектом "здесь" и "сейчас", то есть в рамках определенного социального пространства и конкретной ситуации. На этой основе субъект, прежде чем

осуществить определенные действия политического характера, должен изучить и знать объективное положение дел и учесть конкретные социально-политические условия. Для того, чтобы выбрать правильные методы и средства политического действия субъекту необходимо выявить особенности каждой реально сложившейся ситуации. Так как перенос стратегий, имевших успех в одних обстоятельствах, может быть неуспешным в других. Нельзя забывать, что одно из обстоятельств, которое мешает правильно оценить ситуацию, является идеологический догматизм.

Исходя из этого, некоторые исследователи считают, что в Германии прихода нацистов к власти можно было бы избежать, если бы социал-демократическая и коммунистическая партии правильно проанализировали ситуацию и выступили единым блоком против фашизма, вместо того, чтобы вести ожесточенную борьбу между собой.¹

В этой связи для субъекта политических действий значим и тот инструментарий, с помощью которого он оценивает ситуацию. Было бы рационально субъектом действий изменить существующие стереотипы и догмы, если в них не укладывается политическая реальность, поскольку конкретность всегда богаче любой абстракции. При этом субъект действий, вовлеченный в политический процесс, обязан иметь солидный багаж знаний и опыт, а также быть компетентным. Более того, он должен творчески применять свои знания и опыт в той или иной ситуации. Было бы разумнее пересмотреть теорию, если бы сложившаяся ситуация не укладывается в рамки научных знаний.

Несомненно, теория, когда она может объяснить адекватно конкретную проблему, имеет смысл в политике. Когда теории превращаются в догмы, они изживают себя и становятся ненужными. Естественно, социальная группа и класс, разделяющие ту или иную теорию, не может легко отказаться от нее, так как это может вести либо к потере, либо уменьшению власти. Наверное, отсюда и упорство, с которым

¹Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933-1939). - М., 1961.

защищаются некоторые политические теории, изжившие себя, не соответствующие возникшим социально-политическим условиям.

В связи с этим уместно вспомнить, осуществленную известным западным социологом Максом Вебером, классификацию субъектов политических действий по степени их профессионализма, где он разделяет их на "политиков по случаю", "политиков по совместительству" и "политиков по призванию".¹ Совершенно естественно, что, хотя в политике взаимодействует немалое количество социальных субъектов, которые ставят перед собой разнообразные, нередко противоположные цели, однако в процессе деятельности часть из них добиваются больших успехов, чем другие. В то же время, их политические усилия нередко сопровождаются непредвиденными и нежелательными последствиями.

При этом экстраординарно, что непосредственные участники политических действий, событий, акций выступают в качестве субъектов политической деятельности. К числу участников политических действий, непременно, относятся личности, этнические общности, социальные группы и политические институты. Совокупным агентом политических действий могут стать конкретные контингенты общественных организаций и объединений. В действия политического характера будут вовлечены также классы, наука, народы.

Как известно, цель политической деятельности состоит или в укреплении существующих общественных отношений, либо в их преобразовании, а то и в полном разрушении и создании иной социально-политической системы. В качестве ее цели трактуются также захват и сохранение политической власти. Реализация конкретного политического действия может предполагать решения более узкой проблемы: формирование партии или создание общественной организации, победу на выборах, разработку и одобрение различных решений.

¹Вебер М. Политика как призвание и профессия. - М., 1990. – С. 191-193.

При этом важно учесть, что политическое решение предшествует политическому действию, и является осознанным выбором варианта политических действий. Выработка и принятие решений проходят четыре взаимосвязанных и последовательно идущих стадий:

- 1) постановка и выявление проблемы;
- 2) формулирование возможных альтернатив;
- 3) анализ имеющихся вариантов решения;
- 4) принятие решения в качестве плана действия.

Совершенно очевидно, что определение средств и методов политического действия, использование которых устанавливается законом, тесно связано с особенностями политической культуры граждан. Нередко конфронтирующими субъектами политического действия используются насильственные средства и методы, приводящие в определенных условиях к гражданским войнам. Наглядным примером этому служит горький исторический опыт таджикского народа в 90-е годы XX века. Практика политических процессов указывает на наличие законного и незаконного политического насилия. При этом только государство обладает правом насильственных действий, и такое право регламентируется целью, моралью, правовыми нормами, а также ситуационными требованиями. Насильственные действия присущи угнетенным социальным группам, и они изредка котируются как справедливые и правомерные.

Продолжая анализ, напомним, что, как и другие феномены политического процесса и политической деятельности, политическое действие субъекта имеет свою структуру, которая состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Исходя из существующих в социально-политических науках методологических установок,¹ структура политического действия представляется нам в следующей форме:

¹См., например: Саидов А.С. Нация как субъект социального действия / Саидов А.С. Нация как субъект социального действия. - Минск-Душанбе, 1999. - С. 39-42.

1. Главным, определяющим его компонентом, выступает *действующий политический субъект*, в качестве которого следует рассматривать конкретную личность, группы людей, социально-этнические общности, классы, политические организации, общественные объединения и движения.

2. *Объектом* политического действия могут быть как классы, этно-социальные общности и группы, их отношения, так и социально-политические институты, которые при необходимости подвергаются воздействию политического субъекта.

3. *Платформу* политического действий образует способность субъектов объединиться на основе общих интересов и целей для осуществления совместных усилий. Она может оказаться ареной действий, возможно даже, очень различных по виду и типу, но объединенных общим желанием всех субъектов.

4. *Способ воздействия субъекта на объект*, включающий в себя формы, средства и методы действия субъекта с целью преобразования политической реальности, соответственно своим интересам и целям.

5. Специфика действий субъекта политических действий в период трансформации общества требует *координации усилий* различных личностей, слоев общества, социальных групп и общностей, а также классов. Эту роль обычно на себя берут отдельные личности, выдвинутые массой в качестве лидеров, иногда независимо от их качественно-положительных характеристик (например, образованность, профессионализм, социальное положение и т.д.).

6. В научном анализе политических действий субъекта требуется принимать во внимание, сложившуюся социально-экономическую и политическую *ситуацию*, как совокупность объективных условий и субъективных факторов.

7. Существенна характеристика политических действий субъекта в измерение их *социального пространства* (т.е. *социальной локализации*) и

исторического времени. Пространственный критерий позволяет рассмотреть политическое действие субъекта в местном или региональном плане, учесть его специфику, изучить его в историко-сравнительном ракурсе.

Историческое время, как момент действия политического субъекта, указывает на границы их актуального бытия. Политические действия субъекта могут быть одноразовыми, повторяющимися, кратковременными, длительными, преждевременными, запоздалыми и т.п.

8. Важнейшее значение в системе структурных элементов имеет *объективный результат* политических действий субъекта, которых, в самом общем виде, можно подразделить на прогрессивные, относительно-нейтральные и реакционные.

Естественно, все составляющие структуры политического действия органически взаимосвязаны, их наличие и взаимодействие представляет собой совершившийся политический акт, отвечающий интересам и потребностям субъектов. Невзирая на имеющуюся тесную связь, между структурными элементами политического действия субъекта существует относительная субординация.

Акцентированные выше структурные элементы можно вычлениить при рассмотрении любого конкретного действия политического субъекта в совокупности его видов и типов.

В то же время, представленная нами структуризация политического действия не является завершенной и окончательной. Реалии жизни общества и возникающие новые условия в политических процессах, несомненно, порождают еще другие, более значимые моменты в действиях субъекта, что может стать неотъемлемым компонентом структуры политических действий людей.

Таким образом, характеризуя виды, типы и структуру политического действия субъекта, попытаемся дать определение понятия данного феномена. Опираясь на концептуальные теоретические основы анализа

проблемы социального действия, и обобщая вышесказанное понятие «политическое действие» можно определить, как относительно локализованный в историческом времени и социальном пространстве целенаправленный конкретный акт субъекта, представляющий собой активное преобразование политической реальности соответственно его интересам, потребностям и целям.

Подводя итог выше изложенным рассуждениям относительно вопроса - какова сущность феномена «политическое действие» субъекта, можно констатировать, что в обществе периодически выстраиваются предпосылки для проявления активности индивида, которая вызвана его насущными потребностями и направлена в сторону политических взаимодействий.

Таковыми факторами, как было ранее нами отмечено, выступают:

а) установки политического характера, которые формируются в структуре основных качеств личности в ходе её социализации;

б) такого рода определения субъектом обстановки, когда он осознаёт возможность или ещё и потребность осуществить определённые политические действия.

Необходимо акцентировать, что, субъект, совершая политическое действие, не каждый раз осмысливает глубоко затаённые причины его осуществления. Процесс принятия решения, даже если он будет сопровождаться имперфективными флуктуациями, кажется ему естественным выбором. Но очевидный факт, что закономерность процесса принятия решения и есть главная проблема изучения политического действия для исследователя. Поиск ответа на вопросы - как субъект фиксирует и интерпретирует ситуацию, какие факторы детерминируют этот процесс и каким образом в ходе её освещения возникает мотив и само политическое действие. Он позволит исследователям подойти ближе к познанию процесса возникновения детерминантов и мотиваторов, а, следовательно, поможет им распутать главный узел: возможно ли управлять этим процессом, и если можно, то, как именно.

Безусловно, если воспринимать политическое действие как своеобразный результат вербального процесса, переживаемого субъектом, то найти ответы на эти вопросы вполне возможно, так как политика укладывается в сознание индивида извне, в виде информации о нормах и правилах, о существенных точках зрения и идеологических ценностях. зарождение мотива политического действия. При этом зарождение мотива политических действий людей происходит в зависимости от того, как им оценивается и обрабатывается поступающая информация.

Подытоживая наш анализ относительно того, почему субъект совершает политические действия, есть возможность утверждать, что в обществе временами формируются условия для активизации деятельности индивида, спровоцированные его потребностями, устремлённые в направлении взаимодействий политического характера. К числу таких факторов, прежде всего, можно отнести:

1) формирующиеся в структуре личности в ходе её социализации, политические установки;

2) такое определение индивидом ситуации, когда он ощущает возможность или даже необходимость прибегнуть к политическим действиям.

Субъект далеко не всегда осознает глубинные причины своего выбора, когда он совершает политическое действие, отсюда, принятие решения представляется ему естественным выбором, даже если оно сопровождается длительными колебаниями. Тем не менее, в научном анализе проблемы исследования политического действия составляет именно естественность процесса принятия решения, порождая вопросы, связанные с определением и интерпретацией индивидом, сложившуюся ситуацию, влияние внешних факторов на этот процесс, а также возникновение мотивов и самого политического действия в ходе интерпретации. Нахождение ответов на эти вопросы может помочь исследователю выяснить сущность процесса образования мотивов, и на этой основе, позволяет ему решить

главную задачу: реально ли управлять этим процессом, и если возможно, то каким образом.

Нам кажется, что на эти вопросы можно получить ответы только в том случае, если политическое действие рассматривать как своеобразный итог когнитивного процесса, переживаемого субъектом. Дело в том, что политика отражается в сознание индивида извне, наподобие информации об чаяниях и устремлениях других субъектов, о нормах, правилах, ценных позициях и идеологических установок. Зарождение мотива политического действия происходит и зависит от того, как оценивается, обрабатывается поступающая информация.

Несомненно, всякое политическое действие наподобие ментальных и мыслительных процессов, которые позволяют субъекту оценить сложившуюся ситуацию и сделать определённый выбор, имеет, по сути, свою «предысторию». Такие процессы в большинстве случаев происходят таким быстрым темпом, что индивиду, который принимает решение, представляется, будто без внутренних психологических усилий, все произошло само собой.

Вместе с тем, ментальные и мыслительные процессы всегда можно логически разложить на ряд этапов, как бы они ни были быстротечными. Акцентуации этих ступеней позволит исследователям лучше осознать, как протекают процессы генерации и актуализации причину политического действия субъекта.

На наш взгляд, было бы уместным кратко и последовательно рассмотреть каждый этап когнитивного процесса и выяснить, как прохождение через них приближает субъекта к политическому действию в обществе, где он живёт. Логически и закономерно первый этап вышеназванного процесса называется информационным, где любая внешняя информация, способна спровоцировать в сознании индивида когнитивный метаморфоз с вероятным его перерастанием в политическое действие. В качестве такового может выступить сообщение о новых идеях,

намерениях и целях других людей, росте цен, готовящемся митинге, террористической акции, смене правительства и т.д. В то же время информация совсем не обязательно должна исходить от политических фигур, имеющих намерение оказать влияние на поведение других индивидов, либо носить политическую направленность. При этом любая социальная информация может стать базовым в какой-то конкретный момент для индивида, повлиять на его поведение. Например, сообщение об увольнении с работы, демонстративное нежелание служащего банка выплатить полагающиеся в соответствии с договором проценты по вкладу, слухи о том, что в соседней области учителя за свой труд получают более высокую зарплату и др.

Однако известно, что субъект фиксирует социальную информацию избирательно, и имеется конкретный сенсорный порог (он обозначен психологами, как «внимание»), который она должна преодолеть, чтобы проникнуть в мозг человека. Специалисты-психологи утверждают, что фиксация внимания на каком-либо объекте, явлении происходит обычно в двух случаях: во-первых, если событие “выпукло”, т. е. неординарно, заметно, и, во-вторых, если оно «ожидаемо».¹

Примечательно, что ожидания, желания, устремления, установки человека являются другим фактором, стимулирующим его внимание к той или иной политической информации. Когда субъект стремится достичь какие-то поставленные им цели, то любые события, способствующие реализации этого порыва, станут притягивать его внимание, и сознание индивида их будет фиксировать. Например, забастовщики, требующие своевременной выплаты зарплаты, будут следить за политикой правительства в угледобывающей отрасли, как никто другой, или участники на выборах, голосовавшие за одного конкретного кандидата, будут ждать результаты с большим нетерпением, чем те, кто не участвовал в них.

¹ Андреева Г.М. Психология социального познания. - М., 1997. - С. 102.

Втянутость субъекта в политические процессы повышает его внимание к происходящим в этой сфере, событиям, что связано с его все в большей степени перемещающиеся ожидания в область политики. При этом успех его карьеры начинает зависеть от действий определенных государственных должностных лиц (скажем, авторитет лидера партии зависит от работы её активистов и членов) и т.п. Субъект действия просто вынужден концентрировать на них свое внимание, чтобы адекватно реагировать на события, происходящие вокруг него.

Поступление информации в сознании индивида, вовлечённого в политические события, автоматически означает начало действия мыслительных процессов, связанных с ее обработкой и создавшейся ситуации. Распознавание ситуации представляет собой ментальный процесс, с помощью которого субъект политических действий оценивает внешние обстоятельства, учитывая новую информацию, и соотносит её со своим собственным образом. Субъект обычно не замечает ни сложность этого ментального процесса, ни его непрерывность, хотя им постоянно осуществляется определение и переопределение возникших ситуаций. Однако именно здесь зарождается тот внутренний импульс, мотив, который заставляет его реагировать, ставить цели и действовать, закладываются те несходства, которые внешне проявляются в разной реакции индивидов на одну и ту же информацию. Всё это, позволяют утверждать, что в «предыстории» политического действия определение ситуации является ключевым моментом.

В то же время важно иметь в виду, что проникнуть вглубь этого ментального процесса невозможно не только внешнему наблюдателю, но и самому интерпретирующему ситуацию, так как «подобная высокоорганизованная ментальная активность протекает без ее осознания субъектом».¹ Те инструментами, которые использует человек для определения, интерпретации ситуации, представляют собой своеобразные

¹Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. - М., 1999. - С. 152.

ментальные процессы, которые позволяют ему, как «встраивать» очередную информацию в семантические границы сознания, так и «вытаскивать» из своей долговременной памяти понятия, образы и символы, чтобы объяснить причины устремления и надежды других субъектов политических действий.

Характерно, что ситуация, подталкивающая людей к политическим действиям, поскольку она требует учета ожиданий различных лиц, групп, включенных в ее орбиту, как правило, бывает вполне сложной. Нетождественность таких ожиданий или их диспропорция ценностным установкам, другим ориентациям субъекта политических действий, когда он должен делать выбор, толкает его зачастую в состояние внутреннего напряжения. В качестве примеров возможного внутреннего напряжения субъекта, обозначаемого исследователями термином «когнитивный диссонанс», можно назвать такие его действия, как идти на политический митинг или побыть с семьей, менять свое намерение под воздействием новой информации голосовать за ранее выбранного кандидата или нет, выступать в защиту своих убеждений, если близкие друзья их не разделяют и др.¹

Постижение мотива, которое представляет собой объяснение субъектом своих намерений и внешних влияний, детерминантов, непременно сопровождается уточнением характера, совершаемых им, действий, т.е. осознание мотива их совершений прочно связано с постановкой цели и активности индивида по отношению к определенному объекту или результату. Переосмыслению субъектом мотивов своих политических действий и переопределению ситуации способствует, поставленная им, цель, и она, в некоторой степени, «прикрывает», незначимые для достижения поставленной цели, элементы субъективной

¹Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса (A theory of cognitive dissonance) / [Пер. А. Анистратенко, И. Знашева]. - СПб.: Ювента, 1999.

ситуации, усиливает вызвавшую ее мотивацию, активизирует мыслительный процесс и эмоциональные переживания индивида.

Разумеется, «предысторию» политического действия субъекта завершает выбор средств и путей достижения цели, и чтобы подчеркнуть постоянно существующую в обществе вариативность реализации его целей, возникает необходимость выделения данного этапа. По мере масштабности цель, выбираемые пути ее достижения для субъекта превращаются в промежуточные, подцели и задачи. Неоднозначность реакции на внешне похожие ситуации и соответственно различия в выборе типа политического действия связаны с уникальностью представлений, политических установок, и других составляющих внутреннего социального мира каждого человека, а также детерминантами его политических действий.

Забегая немножко вперед, отметим, что детерминация и мотивация политического действия субъекта складывается из таких рациональных и иррациональных факторов, как потребности, интересы, цели, установки, формирующиеся в процессе социализации, а также субъективная оценка существующей ситуации и прогнозы индивидов на будущее, о которых речь будет идти в следующем разделе нашего исследования.

1.2. Детерминация и мотивация политических действий субъекта

Как известно, многообразность сферы социально-политических отношений достаточно очевидно, поскольку она включает в себя различные институты, процессы и действия, а также необходимые системы обоснования этих действий. Разноплановые действия субъекта, как наиболее подвижный и динамичный аспект политической деятельности, направлены на реализацию той или иной политической цели.

Самыми ключевыми показателями такого рода деятельности людей считаются:

- концентрирование устремлений только на тотальных проблемах и потребностях наличия социальной целостности;

- анализ государства и его интересов, как один из главных институтов решения возникших проблем;

- применение политической власти в качестве главного инструмента для достижения поставленных целей.

Совершенно очевидно, что политическую деятельность делает мощным фактором управления, целенаправленной ориентации и упорядочения действий, только её тесная связь с властью. Всесторонний анализ этой сферы политики даёт возможность обнаружить обусловленность политических событий и процессов от условия направленности действий тех субъектов, вовлеченных в политику. При этом нельзя игнорировать то, что имеет место также ряд непростых, устойчиво действующих, и, не зависящих от субъекта политики детерминирующие факторы, пренебрежение которых может подталкивать их политическое действие на провал, а учет этих детерминант служит необходимым критерием обеспечения ее успеха. К числу таких факторов, на наш взгляд, следует отнести:

1. **Законы политики**, специфика которых состоит в том, что они существуют в не жизнедеятельности людей, а заявляют о себе как совокупность условий, потребностей, интересов, требующих усилий в определенном направлении, и фокусирующих, таким образом, ход политических процессов. В качестве примера этому, можно привести связь экономической инициативы и политической свободы, демократии и увеличение количества граждан, которые участвуют в принятии экономических, хозяйственных решений. Безусловно, от степени развития экономики страны зависят возможности политической деятельности и проблемы, решение которых требует вмешательства государственной власти.

2. Реально существующие условия, которые включают в себя объективную взаимосвязь обстоятельств и предпосылок, которые могут повлиять на процесс осуществления субъектом свои политические действия. Поэтапное возрастание количества факторов, которые служат реальным основанием политического действия, выступающих как ее стимулы характерно для истории на всех её этапах развития. Так, глобальная сущность экологических проблем современности устанавливает жесткие границы, локализацию действий политического характера, исключая одни их виды, например вооружённые столкновения, превращая в необходимые такие виды, как: разработка природоохранительной политики, защиту озонового слоя или восстановление лесов, которые согласованы в рамках общепланетарных интересов.

3. Потребности, как комплекс условий, являющихся для субъектов абсолютно необходимыми для их нормальной жизнедеятельности, и при которой увеличивается не только объем, но и качественные параметры, степень многообразия потребностей. Общественная практика показала, что в зависимости от реально существующих условий могут усложняться многие традиционные потребности. Например, явление безопасности в современном его понимании не сводится только к военному ее аспекту. Она включает и такие критерии, как экологическая, правовая, радиационная безопасность, эффективная система социального обеспечения и здравоохранения и т. д.

При этом заметим, что проблема выявления мотиваций и детерминант политического действия субъектов всерьёз интересует не только политиков, но и исследователей политической науки, хотя попытки фиксировать их и теоретически обосновать пока ещё не принесли ощутимых результатов. Давно доказано, что социальное действие человека, которое является основой его политических действий, базируется на общем биосоциальном фундаменте, и субъект является очагом множества "программ" действий, значительную часть которых он не осмысливает.

Следует отметить, что современная наука только приближается к познанию того, что является биологически обусловленной формой действия, а что социально детерминировано. Что касается политической науки, то она пока ещё не установила четкие границы "политического", поскольку оппонирующие в борьбе за власть субъекты постоянно изменяют его рамки согласно своим интересам и целям. Каждое социальное событие или факт, как правило, неодинаково, иногда диаметрально противоположно, интерпретируются на разных участках политического диапазона, и нередко к действиям политического содержания относят и повседневные человеческие поведения.

Тем не менее, разработанные исследователями теории социального действия, в определённой степени, адекватны стабильным состояниям протекания политических процессов, принимая в качестве основных его детерминант отдельные факторы социально-экономической и политической жизни, а также некоторые эмоционально-психологические состояния субъекта. В то же время, из неабстрактной сложности и разнообразия взаимосвязей данного феномена отбирается один-единственный фактор, который с наибольшей допустимостью чётко и недвусмысленно должен трактовать результаты конкретной теории.

Естественно, мотивация политических действий социального субъекта почти не поддается широкой рациональной рефлексии исходя из многоаспектности его детерминации. Нет возможности точно охарактеризовать детерминанты и регулятивы политических действий субъекта, потому что вводить достаточно большое количество переменных, которые наиболее полно отражали бы его качественную определенность, создает, фактически, неодолимые преграды с верификацией. Более того, оценить силу детерминирующих и регулирующих факторов, к тому же, крайне ориентировочно, возможно исключительно в стабильно равновесных состояниях политической системы, поскольку условное значение этих факторов действий субъекта меняется заодно с изменением самой

обстановки. Разумеется, в неустойчивых ситуациях, когда первоначальные условия систематически и непредсказуемо изменяются, осуществить прогностическую оценку их влияния на политическое действие людей фактически невозможно, и здесь нужно исходить из вероятностного характера детерминации и мотивации действия субъекта.

В некоторой степени, политическое действие индивидов, как и их политическое поведение, представляет собой рефлекс субъекта или социальных групп на реальные или ирреальные, но субъективно переживаемые как действительные, противоречия социально-политической жизни, которых формируют нестабильные условия их существования. Формы, характер, содержание таких реакций, которые образуются вследствие наличия вышеназванных противоречий, могут быть вполне одинаковыми, хоть при внешне схожих случаях.

Фиксация некоторых закономерностей политических действий социального субъекта становится реальным благодаря тому, что его действия опосредуются массой, так как в современном социуме индивид почти никогда не остается наедине с собой. Субъект политических действий все время "включен" в информационно-коммуникативные процессы через Интернет, локальных сетей, влияния Средств массовой информации, будто находясь в центре гигантской паутины. Дать оценку характеру воздействия антагонистически направленных информационных потоков на политическое действие субъекта, к тому же пытаться на них воздействовать, когда в информационном пространстве действительно доминируют разнонаправленные СМИ, ныне вряд ли возможно.

В том случае, когда в условиях социальной стабильности субъекты ведут себя, обычно, независимо и иногда игнорировать других, то переход в нестабильное состояние "провоцирует" их политическое действие, принуждает наладить связи между собой, а также организовываться. При этом устанавливаются структуры, в которых каждый участник имеет информацию о деятельности и состоянии системы в целом. Исходя из этого,

некоторые социальные общности ведут себя как единое целое, т. е. как резервуар сил, направленных в одно русло, которые приобретают при этом эмерджентные свойства. Действия, политический потенциал таких структур достигают качественно другого уровня, например, чем у неорганизованных человеческих сообществ. Между тем, само включение субъекта в сообщество как структурного элемента, обязывает его подчиняться не персональным программам действия, а закономерностям функционирования сложных социальных систем, и иногда актуализирует доминирование эмоционально-психологических детерминирующих предпосылок над рациональными основаниями.

Как показала историческая практика, в кризисных ситуациях, когда стремительно сокращается продолжительность периодов социально-политических процессов, временные трафики многих социальных групп окончательно не состыкуются, и такая разнонаправленность временных потоков часто будет определять течение политических процессов и массовых действий субъекта. Характер политического действия людей, при недееспособности прежних социальных детерминант и регуляторов, становится крайне нестабильным, а также резко расширяются рамки приемлемого и дозволенного, когда отсутствуют четко обозначенные цели и признанные лидеры.

В нестабильной социально-политической обстановке, несомненно, возрастает функция и вес психологических конструкций осуществления политических действий на уровне социальных групп, поскольку признанные лидеры вступают в противоречие с массами, которые демонстрируют своим поведением странный и неожиданный иррационализм. Массам нужны лидеры, которые способны выдвигать актуальные, реально осуществимые именно на тот момент подходы, чтобы гарантировать выживания социума.

Думается, при анализе таких случаев целью исследования должно стать, прежде всего, установление конкретных мотивов и детерминант

политических действий субъектов и форм их реализации, а затем, прогнозирование реакции политической системы на изменения, которые произошли вследствие этих действий. Также уместно репрезентировать критические рамки ее адаптационного потенциала к подобным флуктуациям и креативности к адекватному моделированию массовых политических действий.

Неоспоримый факт, что социум в процессе модернизации вырабатывает совершенно новые качества, которые разрушают, существовавшую прежде, согласованность взаимодействия политических институтов. Они способны инспирировать чрезмерно разрушительные массовые действия относительно функционированию властных структур. С учётом этого, по нашему мнению, необходима заблаговременная разработка политических технологий, которые позволяли бы эффективно повлиять на действия масс; вовремя локализовать возникновение и влияние тех маргинальных политических аттракторов, действия которых могут привести к необратимой дестабилизации ситуации. В то же время, реализация власти не должно опереться только на банальные авторитарные и репрессивные методы управления.

Заслуживает констатацию тот факт, что структура любого вида социального действия субъекта, в том числе и политического, объединяет в себе много факторов. Например, А. Маслоу – известный американский социолог, определяя основные элементы состава политического действия, в качестве самого значимого выделяет внутреннюю мотивацию.¹

Мотивация, как выше нами было отмечено, выступает в качестве одного из важнейших слагаемых политического действия субъектов и социальных групп. Она является выражением внутренней готовности личности и социальных общностей действовать согласно своему желанию, а не по принуждению и давлению извне. Поэтому образование

¹Маслоу А. Мотивация и личность (Motivation and Personality) / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с. - ISBN 5-80710016-6.

демократического строя крепко связано с субституцией одних, внешне ориентированных побуждений политического действия на другие, внутренне ориентированные стимулы, то есть мотивы.

Такая точка зрения – «мотив реальная субъективная основа действия» поддерживается большинством отечественными и зарубежными разработчиками данной проблемы. Естественно, что мотивация в силу ее ярко выраженного субъективного характера, хотя и имеющего объективные основания является трудно уловимым феноменом. Тем не менее, без стремления к решению проблем мотивации политических действий субъекта, политическая наука может резко снижать свой потенциал.

Поскольку структура мотивации – это спорная и недостаточно исследованная в современной обществоведческой науке проблема, поэтому считаем необходимым, кратко остановиться на такие важнейшие элементы мотивации политического действия субъектов, как потребности, ожидания, социально, нравственно и политически оправданные средства их осуществления.

В этой связи нам импонируют мнения тех исследователей, выделявшие в качестве основного структурного элемента мотивации – потребности, точнее, их систему: "Всякое мотивированное действие имеет тенденцию быть обусловленным несколькими или всеми базисными потребностями скорее, чем только одно из них".¹ Непосредственно с потребностями граничат, и прямо с ними взаимодействуют такие мотиваторы, как предпочтение, интересы, ценности, ценностные ориентации, диспозиции, хотя они, в определённой степени, являются трансформированными, модифицированными потребностями, составляя потребностный уровень мотивации. Например, политические предпочтения, как утверждают исследователи, относятся к типу потребностей, но – модифицированные в "отчетливо выраженные требования к политическим

¹Маслоу А. Мотивация и личность (Motivation and Personality) / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. - СПб.: Евразия, 1999. – С. 207.

курсам".¹ Разумеется, их значение в мотивации политического действия субъекта весьма ощутимо, ибо политические предпочтения – это выбор, и они однозначно диктуют тем, кто его сделал, осуществить сообразные действия.

Совершенно очевидно, что политические предпочтения и позиции – это не только потребности, которые соотнесены с ситуацией их удовлетворения, реализации, но и установки, готовность субъекта к свершению определенных действий.

Несомненно, с политическими предпочтениями тесно связаны и, адекватные им, интересы, в которых потребности находятся в соотношении с методами их реализации. Для того чтобы выполнить свою мотивирующую, побуждающую функцию, интересы должны быть отражать реальные потребности людей и социальных общностей, и чрезмерно трудно осуществимые цели могут их лишь напугать. Поэтому превратить потребности в адекватные им интересы является сложнейшей задачей политического управления.

Примечательно, что выявление мотивационных ресурсов системы потребностей, включая и детерминацию политического действия субъектов, требует обратить серьёзное внимание на их субординацию, а также точно определить приоритеты, т. е. первостепенные, по своей релевантности, потребности.

Безусловно, приоритеты, по сути, также носят ценностный характер, и их палитра фиксируется не только исключительно объективными социально-экономическими и политическими причинами, но и культурно-психологическими, а также мировоззренческими ориентациями субъектов политического действия.

Подчёркиваем, что одним из базисных элементов современной теории мотивации считается принцип иерархичности потребностей, которого

¹Детерминация и мотивация политического поведения, важнейшие слагаемые мотивации, их специфика и роль / Интернет-ресурс: www.pravo.vuzlib.su/book_z2162_page_20.html

разработал и обосновал А. Маслоу («Пирамида потребностей по Маслоу»).

В нём выделены следующие уровни субординации потребностей:

1) физиологические потребности в еде, одежде, жилище;
2) потребность в безопасности;
3) потребность в любви, принадлежности и т.п., их нередко называют социальными потребностями;

4) потребность в оценке и самооценке, реализация которой ведет к чувству уважения к себе, ощущению собственной значимости и т.д., ее обобщенно называют потребностью в уважении;

5) потребность в самоактуализации- стремление человека к наиболее полному проявлению и развитию существующих в нем положительных качеств, возможностей и талантов.¹

Хотя он выделял и шестой уровень субординации потребностей ("желание знать и понимать" и эстетические потребности), однако в более краткой форме его концепция иерархии потребностей рассматривается как пятиуровневая, где самым высоким её уровнем выступает самоактуализация. Самоактуализированные субъекты воспринимают мир таким, каков он есть, но не таким, как они хотели бы его видеть; субъекты политических действий в большей степени сосредоточены "на проблемах, чем на самих себе".

В то же время, специфика этого процесса субординации такова, что субъект, не пройдя первый этап иерархии, не может подняться на второй и дальше. Бесспорно, предложенную А. Маслоу модель иерархии потребностей нежелательно упрощать, и, думается, исключения из него не возможны. Однако основная её тенденция, если речь будет идти о массовых действиях субъекта, сформулировано, верно.

Логично предлагать, что различные структуры власти, с целью управления и регулирования массовых действий субъектов, должны

¹Maslow Abraham. A Theory of Human Motivation / Originally Published in Psychological Review, 1943. - № 50. - P. 370.

возвысить политическую мотивацию индивидов и различных социальных групп, повысить на более высокий уровень иерархии потребностей. При этом для возвышения мотивации большое значение имеют изменение характера фрустрации, неудовлетворенность потребностей, которая, как можно, должна быть передвинута с нижних уровней их иерархии наиболее высокие. Что касается физиологических потребностей субъекта действий, а также его потребности в безопасности, являющихся фундаментом человеческого существования, то их неудовлетворенность политически наиболее опасна. Безусловно, нынешнее состояние современного общества может служить подтверждением этому суждению.

Тем более, заворачивание вперед, экономический и политический романтизм, когда имеется в виду потребности субъекта политических действий, чреватые, в наибольшей степени, негативными последствиями. К тому же, этого американского исследователя никогда нельзя причислить к тем, кто недооценивает роль высших потребностей. Впрочем, он считает, что, хотя они субъективно воспринимаются как менее насущные, однако совершенствуют личность, внутренне обогащая субъекта действий, часто приносят ему счастье.

Продолжая анализ, заметим, что первые четыре уровня субординации потребностей относятся к потребностям дефицита, недостатка, и только последняя (пятая) ступень является уровнем достатка, полноты симптома, имевшихся в субъекте политических действий, возможностей. При дефиците или отсутствии мотивации действий, субъект "слишком погружен в себя, чтобы понять потребности и желания других",¹ и на этой основе политические процессы не могут развиваться быстрее, чем экономические. Дело в том, что неудовлетворенность основных, базисных потребностей замедляет процесс превращения индивидов из объектов в субъекты, в том числе и в сфере политических отношений.

¹Маслоу А. Мотивация и личность (Motivation and Personality) / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 214.

В области социально-политических взаимоотношений экстраординарно важны отбор и применение оптимальной комбинации любых элементов системы потребностей в качестве мотивирующих элементов. Важно иметь в виду, что одна из крайностей в решении данной проблемы выступает "стремление все свести к низким мотивам", чем, по мнению некоторых исследователей, грешат теория марксизма и концепции фрейдизма: первое все сводит к "интересам", а второе – к сексуальным влечениям. При этом "спекуляция на понижение" ничем не лучше спекуляции на возвышение, фальшивую идеализацию человека и его потребностей.¹

Так как потребности считаются основой основ побуждений к политическим действиям людей и социальных общностей, выявление их мотивационного потенциала определяется как первейшая задача политики на всех ее уровнях. На наш взгляд, возможные направления решения этой проблемы можно обозначить следующим образом:

Во-первых, это соответствующее моменту осознание всеми политическими субъектами действия уже актуальных или назревающих потребностей, и использование их мотивационного потенциала в реальных политических процессах, где социальные потребности становятся, потребностями, которые объединяют общество в единое целое. Хотя они подстраиваются под индивидуальные потребности, но в полном объеме не компенсируются последними, и новая форма социальности должна прийти на смену тоталитарной, основанной на насилии, неуважении к человеку, грубо уравнительном понимании равенства.

Например, существовавший в советское время сталинский политический режим был обязан производить модернизацию общества, и, естественно, нуждался в социально-политической поддержке со стороны женщин, составляющие тогда наиболее многочисленной части общества. Как свидетельствует опыт, этот режим извращённо осуществлял идею

¹Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма. - Франкфурт-на-Майне, 1957.

социального равенства мобилизованных возможностей мужчин и женщин, а на женщин была возложена колоссальная тяжесть семейных и производственных обязанностей. К сожалению, по сей день наше общество не может ввиду различных причин побороть негативные последствия таких действий.

Осмысление и установление в жизни современного общества новой социальности, иного контента социальных потребностей теснейшим образом связано с осознанием и утверждением релевантности большинства других потребностей (например, потребности в достижениях).

Один из видных западных специалистов по теории управления (Р. Ходжест) подчёркивает, что главными характеристиками субъектов, располагавших потребностью в достижениях, считаются креативность к приемлемому рациональному риску, личная ответственность, умение доводить дело до конца, увлеченность поставленной задачей. Субъект, который способен достичь высоких результатов, "одержим поставленной целью до тех пор, пока она не осуществится".¹ Объективно реализуемые политические действия должны способствовать развитию этих качеств у всех категорий населения, в частности у тех, для которых они играют главную роль (например, у предпринимателей, менеджеров, творческой интеллигенции и др.). Важность таких свойств в сферах экономики и культуры расширяет шансы и стимулы, чтобы участвовать в политической деятельности.

Во-вторых, разблокировать конкретно сложившихся, в первую очередь, базисных потребностей, которых предшествующая политическая система постоянно подавляла, и по выражению З. Фрейда, прогоняла в "андеграунд", подполье, «подвале» человеческой психики и культуры.² Когда нереализованные базисные потребности субъектов и социальных

¹Актуальные проблемы современной политической теории и права: Научное издание. – Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2003. – С. 87. (-139 с.)

²Фрейд З. Я и Оно. – М.: Издательство "Эксмо", 2014.

общностей глубоко укореняются, они становятся предпосылками деформации их социального и политического статуса, общепризнанной роли в социуме. По этой причине, часть исследователей и экспертов, по нашему мнению, совершенно обоснованно стараются привлечь внимание к таким негативным явлениям в жизни современного общества, как маргинальная интеллигенция ("маргиленция"), женская маргинальность, люмпенское сознание, люмпенизированное предпринимательство и т.п., не акцентируя способ обозначения данных явлений, хотя это и веско.

Неоспоримый факт, что нереализованность исходных потребностей субъекта действий неминуемо порождает серьезные политические проблемы, хотя, вопреки этому, "любое удовлетворение истинной потребности имеет тенденцию улучшения, усиления и оздоровления развития индивида",¹ а значить, и общества в целом. К примеру, лимитирование доступа к информации является серьезной социологической и политологической проблемой, и её неурегулированность порождает ограниченную, социально-политически отсталую личность. При этом если исходить из интересов существующей политической системы, то такая личность, хотя, удобна, однако она перестает быть гражданином и, зачастую, полноценным субъектом действия. Характерно, что экономические политические и реформы для современного социума крайне важно, и они способствуют расширению границ социальных потребностей всех слоев населения.

Уместно акцентировать, что возрастание социальных потребностей, непременно, сопровождается ростом разнообразия интересов-отношений между отдельными индивидами и социальными группами относительно удовлетворения их потребностей, и для уточнения тенденции политического действия субъекта решающее значение приобретает уровень и мера репрезентации частного интереса в политическом.

¹Детерминация и мотивация политического поведения, важнейшие слагаемые мотивации, их специфика и роль/ www.pravo.vuzlib.su/book_z2162_page_20.html

Фактически, сущность политики, в некотором смысле, состоит из очень сложной формы взаимосвязи частного и общего интересов. Хотя это обязательно и важно, однако политика не может сконструироваться, ни на эгоизме, ни на альтруизме субъектов действия.

Естественно, культурная, реорганизационная среда, - это то пространство, где разворачиваются политические действия субъектов. Большинство их компонентов (традиции, настроения, укорененные в определенной социальной группе стереотипы мышления и поведения) фактически не зависят от индивидов, и они должны принимать их во внимание.

В процессе детерминации политических действий субъекта сработают не абстрактные законы, интересы, обстоятельства и позиции, а их конкретные, зависимые от времени, места реорганизации, мотиваторы, как устойчивого и долговременного стимулирования, так и динамично модифицирующихся. Такая комбинация формирует политическую ситуацию, которая свойственна конкретному периоду времени, территории взаимодействия объективных факторов, прямо определяющих возможности и задачи субъекта политических действий, которые служат мотивом возникновения нового политического события. Краеугольным камнем политического действия выступают отношения между втянутыми в политический процесс социальными субъектами, однако эти отношения формируются емким диапазоном факторов разного уровня (экономического, социального, политического, культурного).¹ Все эти элементы, по сути, взаимосвязаны и требуют от субъектов определенного образа действий.

При этом совершенно очевидно, что смысл их верной оценки заключается в фиксации существующего контакта объективных обстоятельств с действием политических сил. Каждая ситуация действий субъекта включает в себе полный комплекс возможностей, реализация

¹Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис, 1992. - № 2. – С. 67.

которых зависит от активности, направленности целей втянутых в политику сил. В связи с этим, социальные противоречия фокусируются, отбираются и усиливаются, и значение некоторых из них увеличивается многократно. В противостоянии полярных социальных сил, мотиваторами детерминации является сущность, а альтернативность выбора вероятных ориентаций действия субъекта – это показатель зрелости политической ситуации.

Несложно обнаружить и то, что, вероятности, появляющиеся в реализации политических действий индивидов, как и объективные социальные связи, отношения, которые их формируют, - не эквивалентны, поскольку они могут быть и необходимыми, а также и случайными, преходящими. Способность в совокупности противоречий, социально-политических обстоятельств и направлений экстрагировать только нужные, определяющие, не возводить их случайности в ранг необходимости, а также, наоборот, не принижать необходимые события до уровня случайных при фиксации тенденции политических действий, в значительной степени, определяет успех политической деятельности. А результатом противоречивости политической ситуации является стабильное изменение содержания ее элементов и форм политических действий субъекта, характера их соотношения, способа объединения.

Нельзя отрицать тот факт, что в системе предпосылок, которые детерминируют политические действия людей, более чем важно выделить магистральное звено, основной элемент этой противоречивой целостности, влияние которого среди исследователей получило название «сверхдетерминация».¹ Как элемент сверхдетерминации политических действий субъекта можно выделить определенную экономическую или экологическую проблему, политический процесс, деятельность личности, состояние психологии, явление культурной жизни и т. д.

¹Альтюссер Л. За Маркса / Пер с франц. А.В.Денежкина. - М.: «Праксис», 2016.

Кроме того, существуют некоторые практические следствия контроля данного положения и его возможностей в детерминации политических действий индивидов. Это:

а) смысл безотлагательного влияния именно на данный элемент для последующего изменения всей политической ситуации;

б) предоставление процесса сверхдетерминации активной деятельности, а именно, действия членов политической партии или движения, их лидера имеют существенное значение;

в) следствием конкретного, уникального характера политической ситуации служит возможность постоянного изменения ведущего элемента сверхдетерминации, что исключает нестандартный подход к оценке и программированию политического действия субъекта.

Способность верного отражения политической ситуации может предоставлять большие преимущества тем субъектам политических действий, кто ею располагает. Альтернативой данному политическому качеству выступает то, что образно в науке называется «политической слепотой»,¹ когда субъект, который осуществляет политическое действие, не учитывает важные компоненты политической ситуации, и переоценивает значение других ее элементов, и, в целом, дает искаженное истолкование ситуации.

Как видно, при такой ситуации социально-политическая реальность перед субъектом действий обозначится в двух четко различающихся состояниях: с одной стороны, она – взаимодействие, функционирование государств, партий, институтов и их представителей, имеющих власть, а с другой, как непростая вереница действий, контактов людей, а также общностей со своими неординарными доводами, устоями и достижениями. Данный тезис в политологии нашёл своё отражение в двух взаимодополняющих аспектах:

¹Ильин И.А. Наши задачи. О возрождении России. Том 2, книга 2. - М.: Алгоритм, 2007. – С. 103.

- институциональный подход, где внимание сосредотачивается на обзоре организационных, структурных направлений политических отношений;

- поведенческая сторона, сущность которой состоит в преподнесении политики не иначе, как конструкции действий субъекта и их последствий.

Заметим, что относительно институционального подхода учёными-обществоведами, в частности политологами, проведены достаточное количество исследований, да и нами этот вопрос вкратце был рассмотрен выше. Однако её поведенческая сторона до сих пор в политических науках не была разработана на должном уровне исследователями, и это, скорее всего, объясняется тем, что основная схема истолкования политического поведения взята из психологических наук, где достоверные методы анализа поведения давно разработаны и активно применяются в теории и практике. Здесь, как известно, на первый план выступает бихевиоризм, который сводит каверзность политического действия субъекта к примитивности формулировки феномена: политическое поведение есть функция организма (субъекта, организации) и окружающей среды, в более приемлемом варианте - это есть ответ, функция окружающей среды к установленному типу действия и предрасположенности.

Поскольку политическому действию присуще колоссальная качественная неоднородность, поэтому среди его наиболее значимых форм, как существенных, можно выделить следующее:

1. Реакция, при которой действия субъекта в политической ситуации выступают в качестве отклика на внешние влияния, а агрегатом активности становятся другие личности или институты.

2. Постоянное участие субъекта действий, сопряжённое с делегированием полномочий в разном роде политических выборов и кампаний.

3. Деятельность индивидов в политических организациях, партиях и движениях.

4. Выполнение субъектами своих политических обязанностей в рамках государственных органов: служба в армии, органах государственного управления и охраны правопорядка и т.д.

5. Посещение пленумов и митингов политического характера, усвоение и передача политической информации, проявление интереса и участие в политических дебатах.

6. Непосредственное действие - прямое влияние на деятельность и варьирование политических институтов через такие формы политических акций, как митинги, демонстрации, забастовки.

7. Влияние на течение политических процессов, при помощи обращений и писем, встреч с политическими лидерами, уполномоченными государственных и политических учреждений и движений.

При этом нельзя отрицать внушительную императивную силу интереса как важнейшего стимула политического действия, источником мотивации которого выступает наличие конкретной проблемы в жизни субъектов политики, а также понимание актуальности ее решения. Однако в целях, чтобы интеллектуальный факт понимания превратился в действие на его основе, необходимо новый компонент, т.е. психологический импульс готовности к действию, складывающийся из побуждения участвовать в действии и убеждённости в вероятности его успеха.

Движущей силой этого процесса, начиная от проблемы к действию по ее решению, могут стать разного рода мотивы: гражданский долг, информация, недовольство или попытки реализовать поставленную цель.¹ Соответственно доминированию главного мотива, формируется тип и характер политического действия, которое может казаться достаточно эмоциональным ответом на отдельные события, или быть обоснованной, прагматичной системой акций, чтобы последовательно реализовать принятую программу.

¹Саидов А.С. Нация как субъект социального действия. - Минск-Душанбе, 1999. – С. 63.

На характер политического действия субъекта влияет не только интерес и та мотивация, которая возникает на его основе, но и такие его внешние регуляторы, как:

а) роль (фиктивные границы поведения, принимающие для себя субъект политического действия, или отводящие ему условия или другими субъектами);

б) статус (комплекс допускаемых, реальных для конкретного субъекта моделей, типов политического действия, функций, которых он может принять на себя в политике);

в) принадлежность к группе, социальной или политической общности, которые формируются на базе создания среди ее членами сложившегося вида отношений;

г) членство в организации (группе), которая организована для выполнения конкретных ролей в политике.

Общеизвестно, что в современной обществоведческой науке, в частности в социальной философии, разработана устойчивая практика анализа политического действия субъекта, с акцентом на выявление его интуитивной мотивации, стихийных оснований, таких как стремление к агрессии, сексуальное влечение, чувство вины и т.п. Основателем этой директивы был Г. Лассуэл, который в своем труде "Психопатология и политика", применив метод психоанализа к истолкованию политических явлений, показал личностный, причем далеко не рациональный смысл политики и политического поведения субъекта действий.¹ Осознание весомости подсознательной мотивации политического действия, чрезмерной степени его корреляции от состояния психики субъекта и его жизненного опыта, не указывает на локализацию факторов детерминации политического действия только в данной области, а предполагает учета значительное количество иных причин и случаев, от которых оно зависит.

¹Лассуэл Г. Психопатология и политика. Монография / Пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. - М.: Издательство РАГС, 2005.

Как в конкретном, так и в коллективном мотивированном политическом действии, субъекты ведут себя неодинаково, и среди главных его участников, чаще всего, исследователи выделяют следующие типы:

- лидеры, которые стоят во главе политического движения, и своим авторитетом, влиянием способствуют его сплочению и достигают поставленных целей. При этом характер лидерства, методы повлиять на массы, координация действий последователей (приверженцев) могут иметь различные формы;

- активисты – проводники посереде лидерами и их приверженцами, которые мобилизуют политические действия субъектов. Они регулярно информируют лидеров о положительных результатах и сложностях своих осуществлённых действий, а также вносят важные поправки в стратегию и тактику массовых действий людей;

- приверженцы (активисты), стремления которых характеризуются гетерогенной степенью динамичности и участия в структуризации политических действий массы. Активисты поддерживают цели, выдвинутые лидерами, воспринимают их достаточно четко, как отвечающими своим интересам;

- лидеры точки зрения - своей интеллектуальной деятельностью, они, непосредственно не влияя на действие массы в аспекте его организации, прежде всего, в СМИ, превращают проблемы в объект всеобщего внимания. Многие обращаются к ним за советом, однако, не за директивой для реализации своих действий.

Не секрет, что в политических науках для референции модификаций политических действий применяется понятие "политическая иммобильность". Этим термином фиксируют такую разноплановую ситуацию деятельности субъектов, как их отстранённость из политических отношений, которая обусловлена невысоким уровнем социального развития или их регламентированностью. Им обозначают также политическую апатию, являющуюся формой отрицания политической системы, отказ от

любых форм сотрудничества с ней, и политический бойкот – выражение субъектом свою открытую враждебность к существующей политической системе и ее институтам.

Совершенно очевидно, что граждане нередко сторонятся политических процессов не только под воздействием внешних, но и внутренних детерминант и мотиваций. Вместе с тем, социально-психологическим положением, где блокируется механизм политического действия субъекта, выступит состояние аномии (ситуация исчезновения, разрушения норм, регулирующих и направляющих поведение). Главными предпосылками возникновения такого состояния считаются:

а) безвластие (ситуация, при которой собственное поведение субъекта не способно определить тенденцию развития событий);

б) релевантность (состояние, когда теряются ориентиры веры, что приведёт к исчезновению важнейших оснований действий);

в) отсутствие меры, т.е. норм (уверенность в том, что только несанкционированное, провоцирующее вызов остальным, действие приводит к достижению желаемого результата);

г) замкнутость (неимение уважения к социально-значимым ценностям, непринятие их во внимание в решении актуальных для политики вопросов);

д) самоотчуждение (реакция субъекта на беспомощность влиять на протекающие события).

Другим, не менее распространенным видом деструктивного политического действия субъекта является феномен «абсентизм» (бойкот выборов или воздержания от участия в них). При наличии такой ситуации число людей, которые отказываются от участия в голосовании, возрастает, если:

- субъекту действий приходится делать выбор либо из очень ограниченного (например, один или два), либо из огромного количества кандидатов;

- в условиях экономической развала, деградации обстоятельства существования, политический плюрализм кажется тривиально раздражающим и превращается нежеланием участвовать в выборах, которые, с точки зрения субъекта действий, являются пустой тратой времени и ресурсов;

- очень часто проводимые выборы;

- антипатия субъекта действий к личности самого кандидата или той партии, которую он представляет;

- момент исполнения субъектом своего долга, когда он совпадает с периодом его отдыха или отъездом ("противоречивые искушения").

Уместно напомнить, что в числе мотивов, которое сдерживает участие субъекта действий в выборах, ключевую роль играет чувство индифферентности к происходящим политическим процессам, неприязнь к существующей политической системе, ощущение каверзости и запутанности избирательной кампании. Зачастую субъекты действий участвуют в политических процессах, будучи объединёнными, не только в изоморфные и организованные группы, также и в казуальные, непостоянные организации, в качестве участников митинга, демонстрации, аудиторию передачи и т.п.

Примечательно, что оказавшись в такой ситуации, субъекты политических действий приобретают специфические черты большинства участников, среди которых наиболее распространёнными являются:

1) суммарность (индивиды, организованные в массу, не выступают в роли целостного образования, которое отличается от составляющих его элементов;

2) непредсказуемость, вероятностность (случайность, хаотичность отношений, а также рамки массы неясны, и её состав неустойчив);

3) ситуативность, характер которой всецело конституируется местом, временем, мотивами формирования, формой деятельности или коммуникации, которой она загружена;

- 4) неоднородность структуры, его межгрупповой характер;
- 5) бесформенность (неимение внутренней организации, состава);
- 6) неизвестность, т.е. анонимность (участники массовых действий не известны друг другу, какими-либо индивидуальными свойствами и личностными качествами).

Как правило, когда оценивается, или прогнозируется характер вероятного действия субъекта, важно учитывать присутствие двух ее главных типов: публики и толпы. Несомненно, публика, поскольку она разнородна, состоит из представителей различных социальных групп, повод ее образования достаточно случаен, не имеет какой-либо специальной организации. Она, фактически, перманентно формируется на более или менее твердой рациональной основе, ею, обычно, присуще или общая информация, или совместный интерес. Наиболее выраженными особенностями толпы являются: большое скопление на локализованном пространстве, условная длительность коллективного присутствия в одном месте, недостатку умения контролировать своё взаимодействие с другими. В совокупности, все это порождает вероятность стремительной трансляции чувств, взаимной их передачи между собравшимися людьми.

Субъекты, собранные в толпу, обычно ограничиваются произвольными движениями, что влечёт сосредоточение внимания на словах выступающего. Однако любая концентрация внимания имеет определенные рамки, поэтому наступает инкрементальное угасание внимания, затем наступает период, когда устанавливается масштабное поле для инспирации, т.е. слова оратора воспринимаются все менее критичного, и, на этой основе, флегматичная толпа становится возбужденной, появляется и возрастает общее взаимовнушение.

Наличие представлений об этом простом механизме объясняет применение таких известных и достаточно распространенных свойств политического общения субъекта в многочисленных аудиториях, как мимика, жесты, шумы и усилители звука. Они способствуют преодолеть

тонкую грань, которая отделяет публику от толпы, расширяют процент физической интеракции в ущерб интеллектуальной коммуникации.

Необходимо учесть, что регуляция политического действия будет носить властный характер, используя механизмы принуждения и авторитета. В то же время, она не должна быть превращена в технологическую операцию слежения и систематического контроля. Дело в том, что инициатива, а вслед за ней участие и активность исчезают, и уступают место пассивному исполнению указаний, или вообще замещаются политическим отчуждением, если контроль над политическим действием становится тотальным. Исходя из этого, регуляция политических действий субъекта непременно должна сохранять место для инициативы и самостоятельности, ни при каких обстоятельствах не сводиться к строгим инструкциям и давлению. К категории факторов, степень влияния которых на политическое действие субъектов, по сути, постоянно считается очень высоким, можно отнести следующее:

- 1) роль лидера;
- 2) содержание мотивации, лозунга, обращенного к массовому участнику политических действий;
- 3) фиксирование свойств, норм и принципов регуляции политических действий в правилах политической организации, чтобы придать их духовным ориентирам институциональной формы.

Разумеется, в круг факторов, от которых зависит регуляция политического действия, можно включить также и:

- степень осведомлённости участников, если он высокий, то действие субъектов более рационально, и наоборот;
- наличие политического образования, которое будет расширять, в конечном счете, диапазон навыков, методов достижения целей политического действия субъекта;

- уровень групповой идентификации участников политического действия, чем выше ее рост, тем больше увеличиваются возможности их регуляции;

- политизация деятельности различных негосударственных организаций, что благоприятствует сплочению участников политических действий, основываясь на ту или иную программу, а также ограничивает вероятность инициативных самостоятельных действий отдельного субъекта и повышает рейтинг упорядоченности политических процессов;

- возрастание уровня риска при разворачивании того или иного политического процесса, принятии политического решения содействует консолидации участников действий, склонности к консолидации на основе склонности к конкретным ценностям, принципам в виду падении значимости, внимания к особенностям и нюансам во мнениях и позициях;

- похожим по своим результатам является и действие подобного фактора, как возрастание влияния партий на ход политических процессов.

Таким образом, квалифицируя сущность, способы и виды детерминации и регуляции политических действий субъекта, необходимо констатировать, что они носят, как объективный, так и властный характер.

Последнее, предполагает использования механизмов диктата и авторитета, однако такой вид детерминации и мотивации действий не может быть приравнен технологической операции наблюдения и устойчивого контроля, ибо, как только контроль над политическими действиями становится глобальным. Инициатива, а вслед за ней, участие и активность уходят, уступая место вялому исполнению указаний, или вообще замещаются политическим отчуждением. Поэтому детерминация и регуляция действий обязательно должны сохранить место для активности и индивидуальности, и ни в коем случае не должны сводиться к строгим правилам и нажиму.

ГЛАВА II. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

2.2. Предпосылки трансформации таджикского общества и их влияние на политические действия субъекта

Нельзя отрицать тот факт, что политические действия субъекта всегда продиктованы свойствами социально-исторического периода развития, и определяют, связанные с сохранением общества и потенциальных возможностей его эволюции, задачи. В трансформационный период, который характеризуется как время кризиса относительно универсальных представлений о социуме, идеологических представлений и норм организации общества, активизируются социокультурные механизмы, благодаря которым моделируются совершенно новые критерии действий политического субъекта и намечаются перспективы их изменения. Цель таких действий заключается в новом обозначении смысловых границ их осуществления, ускоренном воспроизводстве предполагаемых результатов, не позволяющих субъекту слиться с окружающим его миром и прекратить свою относительно целостную, преобразующую деятельность.

Создание субъектом механизмов своих целерациональных политических действий и средств их реализации претворяется не только во взаимодействии со структурой общественного сознания, его константами, формируя благоприятную среду для присоединения актуализированных отличий, но и теми существующими материальными и политическими факторами, которые имеют место на данном этапе трансформационного процесса. Естественно, когда режим взаимодействия социально-политической системы и окружающего ее мира ускоряется, осуществление

этих процессов происходит все более переменчиво. Тем не менее, в период таких изменений, в особенности тех, возникновения которых невозможно предсказать, а также в ситуации снижения эффекта прежних форм политических действий субъекта и дефицита обязательного для форсирования их хаотизации познавательного опыта, необходимо учитывать важность эффекта возмещения, который увеличивает приспособления социума, его объединяющих, сформированных прежними различиями социальной системы и окружающего ее мира, норм и ценностей.

В совокупности всё это дает государству, как главному субъекту политических действий, потенциального соблюдения должной устойчивости в переходный период и требует введения необходимых социальных и культурных новшеств. Применение современных средств коммуникации и информационных технологий, выражающихся на фоне кризиса прежних способов жизнедеятельности (культурных, идеологических), не отменяет, а усиливает социокультурные направления политических действий субъекта для использования до этого времени не реализованного его когнитивного опыта, способствует актуализации забытых ценностей и появлению новых образцов модернизационного процесса.

В любом национальном обществе трансформационный период сопрягается рецидивами влияния окружающей реальности, иногда противоречащими действующим нормам социально-политического ранга, становлением социокультурных пространств. Их невозможно контролировать доминирующими способами организации системы, социальными институтами, увеличением для субъекта политических действий и общества, в целом. На этом этапе появляются средства для качественно новых технологий управления политических действий субъекта, которые связаны с эффектами изменений инновационного

характера, обуславливающими более тесный контакт между властью и обществом, минимизирующий между ними промежуток.

Подобные результаты достигаются, чаще всего, благодаря тому, что до недавнего времени степень анонимности субъекта политических действий, многообразии его влияния на изменяющиеся социальные отношения, пополнившегося спектром инструментов для управления сознанием современной личности, была фактически не возможной. Значимым качеством субъекта политических действий в условиях неконтролируемого роста сомнительности происходящего процесса модернизации становится навык управлением его хаотичности, который концентрирует в пространстве власти, соответствующих этим задачам, социальных слоёв.

Прежде чем приступить к анализу предпосылок трансформации таджикского общества, которые существенно влияют на политические действия национального субъекта, считаем необходимым, в краткой форме излагать сущность феномена «трансформации» в его современной научной интерпретации.

В связи с этим, важно констатировать, то термин «трансформация» (от позднелатинского слова «transformatio» - превращение) означает совокупность экономических, социально-политических и духовно-культурных процессов, которые, в конечном итоге, приводят социальную систему к новому качественному состоянию. Обычно исследователи понятие «трансформация» определяют как синоним слова «модернизация», и, наверное, поэтому в политической науке термином «трансформация» обозначают процесс перехода общества от тоталитарного и авторитарного режимов к демократическому, который сопровождается проводимыми социально-экономическими и политическими реформами.

Как показывает накопленный исторический опыт, положительные результаты трансформации очевидны только тогда, когда экономические

и политические реформы будут проводиться одновременно. Основанием этому тезису может служить тот пример, что, предпринятые в 60-70-е годы минувшего столетия в ряде стран Восточной Европы, все попытки реформировать экономику без надлежащих изменений в политической сфере, закончились безуспешно. Это было связано с тем, что консервативная политическая система либо открыто, заблокировала радикальные экономические реформы, или так их деформировала, что они утрачивали свое первоначальное значение.

Более того, в 80-ые годы прошлого века попытки реформировать только экономику без кардинальных преобразований в сфере политики, в Китае привели к тому, что появившиеся новые социальные группы со своими специфическими интересами, на основе многообразия форм собственности стали требовать своего включения в политические процессы страны. Оказываемое высшими органами власти, сопротивление, в конечном итоге, стало причиной возникновения острых социальных конфликтов в Китае.¹

В свою очередь, попытки локализовать трансформацию общества лишь политическими реформами, также не даёт желаемого результата. Наглядным примером этому служат, происходившие в Польше в конце XX века, события, где политический рост вызвал детонацию ожиданий населения страны, которых не могла удовлетворить государственная экономика. Не затихающие в тот период в Польше социальные конфликты, нарастающая активность субъекта политических действий – убедительная иллюстрация того, к чему ведёт, оторванная от экономических реформ, политическая модернизация. Большинство стран Восточной Европы уже к началу 90-х гг. подошло к пониманию того, что для проведения эффективных реформ необходимо одновременно осуществить комплексную модернизацию в социально-политических и экономических сферах.

¹Шевцова Л. Ф. На пути реформ // Общественные науки, 1990. - №4.

Примечательно, что в области политики – ключевым моментом реформ в западноевропейских странах выступило формирование профессиональных парламентов, которые отражали рождающийся в социуме плюрализм, построение правового государства и создание реальной многопартийной системы управления. При этом формирование эффективной рыночной экономики и достижение экономической свободы – стали главными целями модернизации экономической сферы жизни общества, поскольку реформа системы власти в период трансформации основывается на формировании и развитии гражданского общества, в основе которого лежит экономическая свобода.¹

Безусловно, для того чтобы возникло и развивалось подлинное гражданское общество государство должно гарантировать и обеспечить своих граждан необходимым минимумом свобод. Собственно, исходя из этого, известный американский политолог С. Хантингтон выдвигает и обосновывает положение, согласно которому, переход от тоталитаризма к демократии изредка инициируется широкими народными движениями, а зачастую, он представляется как результат деятельности элит, которые заинтересованы в том, чтобы продлить период своего властвования, сохранить существующую в стране политическую стабильность.

По его мнению, начало перехода от тоталитарной или авторитарной системы к демократическому строю положат, осуществляемые реформы «сверху». Процесс совершенствования этих реформ способствует дальнейшему ходу событий по одному из трех направлений:

- эволюционный путь (поэтапная, медленная, по направлению к демократии, трансформация властных структур);
- революционный путь («замена» или крах старого режима);
- путь военного завоевания.

¹Шевцова Л. Ф. Восточная Европа: «момент истины» еще впереди // Политические исследования, 1991. - № 1.

В истории стран Западной Европы по первому пути трансформационные изменения в политике были осуществлены в Испании, по второму пути шла Португалия, а третий путь является особенностью произведённых политических реформ в Германии. Несмотря на выбор разных путей модернизации своей политической системы, для вышеупомянутых стран принятие новой демократической конституции в начале пути к демократии было общим трансформационным направлением в этой сфере.

Несомненно, социальные конфликты, которые возникают в процессе трансформации тоталитарного строя в демократический режим, решаются на базе нахождения путей национального согласия между ведущими политическими силами и партиями, что, затем, транслируется государственно-политическим институтам и перерастает в политическую стабильность. Для того, чтобы произошла трансформация тоталитарного режима в демократический, необходимо формировать новую, промодернистски настроенную элиту, и обеспечить её приход к власти. Например, в некоторых странах Средиземноморья, таких как Испания, Греция, Португалия достаточно быстро такие элиты сформировались.

Необходимо отметить, что содержание политического процесса в этих странах в период трансформации определяла борьба между новой и старой элиты. В то же время, в некоторых восточноевропейских странах период становления новой политической элиты наступил со времени прихода к власти демократически настроенной интеллигенции. Так как в этих странах пока ещё не сформировались развитые институты гражданского общества, поэтому новые органы власти, как и старые, рискуют остаться такими же бесконтрольными и низкоорганизованными. Как раз, поэтому важен поиск и создание в обществе таких институтов,

которые могли бы стать «противовесом» государству, его своеобразным «контролером».¹

Если обратиться к практике трансформации европейских обществ, то в качестве таких институтов выступали такие широкие народные движения, как «Солидарность» в Польше, «Гражданский форум» в Чехословакии, «Союз демократических сил» в Болгарии и другие. Креативные органы власти в период трансформации общества натываются с немалым количеством, довольно таки, сложных задач, на подобие:

- преодоление разрыва между теоретической частью реформ и психологической готовностью масс к ним;

- осуществление обязательных, но непопулярных экономических мер, таких как приватизация собственности, которая спровоцирует безработицу, либерализация цен, ведущая к росту стоимости жизни и др.;

- социальные последствия проводимых реформ;

- локализация социальных конфликтов, которые обостряются в период модернизации и т.д. Решение таких трудных и очень сложных проблем, по мнению отдельных исследователей, возможно только с помощью авторитарных методов руководства, а сам переход от тоталитаризма к демократии достижим только через переходный период «просвещенного» авторитаризма.²

Нынешний этап социальных преобразований, которые происходят в Республике Таджикистан, исследователи зачастую называют трансформационными, под которым подразумевается «обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но, в то же время, радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социального

¹Huntington S. Political Order in Changing Societies. - N.-Y., 1968. – P. 193.

²См., напр.: Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир, 1989. - № 7.

типа общества».¹ При этом трансформация политического строя считается следствием общественных изменений и модернизации основных сфер жизни социума.

Политическая власть страны, как основной субъект действий, декларировала формирование демократического политического режима и демократизацию традиционного общества здесь, что законодательно закреплено в Конституции Республики Таджикистан. Сам процесс демократизации представляет собой сложный и многогранный вид политических действий субъектов, по поводу которого идут неутихающие дискуссии среди исследователей-политологов. Если более внимательно проанализировать действия политического субъекта относительно демократизации таджикского общества, то можно обнаружить, что в Таджикистане этот процесс отличается от «классических» моделей трансформации политического режима, например, в европейских странах, причём существенно.

Так, политические действия субъекта в этом направлении в государствах Восточной Европы многими аналитиками рассматриваются, как в целом ориентированные на формирование элементов консолидированной демократии, но в условиях Республики Таджикистан переход к такому режиму отдельными исследователями не рассматривается как вполне демократический. Они считают, что Таджикистан, вступив на путь демократии и даже достигнув пункта, который обычно называют «минимальной демократией», позже отказалась от сделанного выбора, что не имеет достаточного научного обоснования.

В связи с этим, уместно подчеркнуть, что учёными в политических науках разработано достаточное количество аналитических моделей действий субъекта, чтобы перейти к демократическому режиму, и это объясняется наличием многовариативности процесса демократизации.

¹Елизаров В. От авторитаризма к демократии: две модели. - М., 1998. – С. 197.

Дело в том, что абсолютное большинство действий политического субъекта относительно перехода к демократической форме правления в странах Азии, Африки, Латинской Америки и бывшего Советского Союза неодинаковы, что усложняет их сведение к какому-либо единому трафарету.

Думается, в качестве обоснования сказанному, уместно рассмотреть наиболее значимые модели политической трансформации общества в демократический режим, которых предлагали исследователи данного феномена.

Заметим, что попытка создания такой модели, предпринятая Д. Ростоу, была одной из первых, где он национальное единство и национальную идентичность выделяет в качестве необходимых и предварительных условий осуществления субъектом политических действий перехода к демократии, включающий в себя три фазы:

а) «подготовительная фаза», специфической особенностью которой считается поляризация политических интересов, а не плюрализм;

б) «фаза принятия решения», на которой заключаются, включающие выработку и осознанное принятие демократических правил, пакты;

в) «фаза привыкания», в процессе которого происходит закрепление ценностей демократии, а также политических процедур и институтов.¹

При этом согласно его утверждению, достижение компромисса является важным моментом в осуществлении субъектом политических действий процесса демократизации. Ростоу этапы при переходе к демократии кратко рассматривает в следующей последовательности: «от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс и привыкание к демократии».²

¹Ростоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования, 1996. - №5. – С. 17-18.

² Там же. - С. 8.

Представленная Г. О'Доннел и Ф. Шмиттером другая модель политических действий субъекта для перехода к демократическому обществу, охватывает следующие основные стадии:

- либерализация, которая предполагает процесс институционализации гражданских свобод без изменения властного аппарата; результатом этого становится построение «опекунской демократии» (т.е. осуществляется опека чаще всего военного аппарата над демократическими институтами);

- демократизация - период институционализации демократических норм и правил, успешность которого зависит от выполнения двух условий: демонстрации прежнего авторитарного режима и сознательного выбора политическими силами демократических институтов и процедур; в процессе демократизации происходит смена всей структуры политической власти и подготовка свободных соревновательных выборов, которые формируют основу демократической политической системы;

- ресоциализация граждан, которая предполагает усвоение ими новых демократических норм и ценностей.¹

Третья модель трансформации недемократического общества в демократическое, как следствие политических действий субъекта, которая включает в себя два периода – либерализацию и демократизацию, предложена польским исследователем А. Пшеворским. Согласно его утверждению, она делится ещё и на две стадии:

1. «Высвобождение из-под авторитарного режима».

2. «Конституирование демократического правления».²

Характерными чертами либерализации - это нестабильность и различная её направленность, а её результатом могут становиться, как возвратное усиление, существовавшей ранее, недемократической

¹Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии: Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода // Общественные науки и современность, 2000. - № 5. – С. 34-35.

²Там же. – С. 36

политической системы, так и переход к первой стадии демократическому режиму. По его мнению, «высвобождение из-под старого режима» происходит не очень болезненно, если будет заключён компромисс между умеренными (внутри оппозиции) и реформаторами (внутри авторитарного блока), и путем переговоров реализуется завершающий этап политических действий субъекта по демократизации общества. Данная модель, в целом построена на акцентировании важной роли характера соотношения действий политических сил, которые участвуют в конфликте и должны достичь общего согласия.

Заслуживает констатацию и, разработанная С. Хантингтоном, модель перехода к демократическому строю, которая реализуется вследствие целенаправленных действий политического субъекта. Хантингтон, изучив эмпирический материал демократизации стран третьей волны, предлагает несколько вариантов перехода государств мира к демократии - трансформация (трансдействие), замена (распад) и трансрасстановка (высвобождение). Правительству, которое должно быть сильнее оппозиции, при трансформации отводится главная роль, и этот процесс, в свою очередь, включает в себя следующие основные фазы:

- возникновение реформаторов, как субъектов политических действий;
- завоевание ими политическую власть;
- замена реформаторов консерваторами (либерализация, обратная легитимность);
- обязательные переговоры с оппозицией, которых собственно предполагает сам процесс демократизации.

Он также убеждён в том, что, демократизацию после прохождения четвертой стадии можно считать необратимой, и вариант замены предусматривает существование такого правительства, которое состоит из консерваторов или утверждает личную диктатуру политического лидера. Процесс трансформации недемократического общества в

демократический режим включает такие стадии, как: борьба оппозиции; распад режима; борьба после распада, и модернизационная расстановка возникает как результат политического взаимодействия правительства и оппозиции по поводу принятия компромиссного решения о смене режима.¹

Разумеется, все выше рассмотренные нами модели политических действий субъекта относительно переходу к демократии имеют некоторые общие позитивные свойства, а также и определённые недостатки. Во-первых, все они в определённой степени акцентируют возможность недемократической альтернативы развития при попытке субъекта политических действий создания демократического режима (хотя этот вариант выделен и прописан достаточно четко только в модели С. Хантингтона). Во-вторых, большинство моделей, при любых обстоятельствах, консолидированную демократию отличают от классической демократии. Наконец, в-третьих, все эти модели сосредотачивают свое внимание на то, что согласие элит является главным требованием и содержанием одного из этапов трансформации общества в демократический режим.

То, что большинство из этих моделей скорее описывает конкретный случай демократизации на примере отдельно взятой страны или небольшой группы государств, чем представляют собой универсальную модель перехода от недемократических форм правления к демократическому строю, является недостатком данных трансформационных конструкций. Вследствие этого, в социально-политических науках исследователями предпринимаются попытки разработать синтетические модели перехода к демократическому режиму, которые резюмируют варианты создания демократии в разных государствах мира. Такую попытку, например, в науке осуществил

¹ Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии: Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода // Общественные науки и современность, 2000. - № 5. - С. 39.

известный западный политолог А. Мельвилю, согласно мнению которого, в наиболее успешных случаях модель перехода к демократии подчинялась определенной логике политических действий субъекта и, протекающих на тот период, событий.¹

В большинстве случаев, как показала практика, процесс демократизация в южноевропейских и латиноамериканских странах начинался сверху, т.е. от правящей элиты, которая состояла из реформаторов и консерваторов. Отправным пунктом реформ в этих обществах поначалу стала процедура «либерализация», включавшая в себя действия субъекта осуществить политические и социальные изменения – снижение влияния цензуры в Средствах массовой информации, реконструкции многих индивидуальных правовых гарантий, амнистия многих политических заключенных и др.

Своими действиями реформаторы, проводя реконструкцию важнейших сфер жизни общества, постепенно, пытались противостоять действиям консервативных сил старого режима, что спровоцировало нарастание социально-политической напряженности и эскалацию противоположных взглядов политических групп. Преодоление такого диссонанса происходило не в форме победы одного политического альянса над другим, а как «оформление особого рода пакта между соперничающими сторонами, устанавливающего «правила игры» на последующих этапах демократизации и определенные гарантии для проигравших сил».²

Пакт Манклоа в Испании, серию круглых столов в Венгрии и других политических действий субъекта можно привести в качестве примеров таких соглашений. За этим следовали учредительные выборы, в результате которых к власти приходили не проводившие реформы

¹Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. - М., 1999. – С. 75.

²Мачкуа Е. Преобразование посткоммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Политические исследования, 2000. - № 4. – С. 43.

политики, а представители оппозиции. После этого в этих странах (как и в Таджикистане, в первые годы его независимости) происходили «выборы разочарования», способствующие передаче власти в руки представителей старых правящих элит (в случае с Таджикистаном номенклатуры компартии), которые, по большому счёту, не стремились реставрировать старый политический режим. Подобным образом, осуществлялась институционализация демократических процедур, которая затем стала основой для создания в перспективе консолидированного демократического общества. Примечательно, что автор этой модели учитывает то обстоятельство, при котором «демократический транзит» совсем необязательно должен включать в себе процесс трансформации от установления формально демократических институтов и процедур к собственно демократическим результатам, поэтому фаза консолидации демократии выделяется в качестве отдельного переходного этапа.

Синтетическая модель, реализуемая субъектом политических действий с целью осуществить переход от авторитаризма к демократии, предложенная О.Г. Харитоновой, также является очередной попыткой решения данной проблемы, и она включает в себя следующие необходимые стадии:

1. Снятие ограничений в осуществлении политических действий субъектом, которое предполагает институционализацию гражданских прав и свобод, и обеспечивает «приоткрытые» формировавшейся демократической системы.

2. Ликвидация преимущественно неприемлемых для нового режима институтов старого политического строя.

3. Реальный процесс демократизации, основным критерием которой являются свободные выборы и консолидация установленной новой политической системы, а также означающая создание норм, процедур и институтов демократического режима.

4. Ресоциализация граждан в новую систему экономических и политических отношений.¹

Она также считает возможным существования двух схем политических действий субъекта при переходе к демократическому строю: кооперативную и конкурентную. Первая охватывает процесс постепенной и последовательной либерализации политического режима, скрупулёзного и контролируемого демонтажа некоторых недееспособных институтов бывшей системы при рациональной рецепции, сохранивших право на существование старых и учреждение новых демократических институтов, ресоциализацию граждан страны. Такая модель, на наш взгляд, является наиболее оптимальной, поскольку она является результатом компромисса различных субъектов политических действий.

Следует отметить, что авторитарными синдромами осложнена конкурентная схема политических действий субъекта при переходе к демократии, которая состоит из быстрой либерализации, развала старой политической системы, стремления внедрить новые демократические институты какими угодно средствами, иногда, невзирая на сопротивление всех противоположных сторон. Отстранение от власти старой элиты, ускоренная и поверхностная либерализация, а также быстрое проведение демократических выборов происходят, именно на основе данной модели. При этом непрочность новых институтов может привести к попыткам реставрировать прежний недемократический режим.

Совершенно очевидно, что нынешний постсоветский этап развития государств Центральной Азии, в том числе и Республики Таджикистан, представляет собой переходный период, и, происходящие социально-экономические и культурно-политические процессы в Таджикистане,

¹Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Политические исследования, 1996. - №5. – С. 73.

безусловно, пока носят трансформационный характер, что, безусловно, влияет на политические действия национального субъекта.

Помимо других изменений, наподобие создания рыночной экономики, рост национального самосознания и укрепление суверенитета, возрождение религиозной культуры и этнических ценностей, процесс трансформации включает в себя одновременно демократизацию общественной и политической жизни, участие в современных международных отношениях, с целью формирования национальных и региональных систем безопасности на коллективной основе. Однако, как показывает практика, одной из заметных особенностей модернизации сфер общественной жизни в Таджикистане представляет собой ее производный облик, что, с учетом местных особенностей, ориентировано на широкое заимствование образцов зарубежных государств, и прежде всего, стран западного мира. Естественно, индустриализация, урбанизация и вестернизация являются главными направлениями современного модернизационного процесса в республике.

Наряду с этим, существенную роль в формировании предпосылок и базовых факторов трансформации общественной жизни субъекта в современном Таджикистане играют и детерминанты внешнеполитического содержания. Это объясняется тем, что Республика Таджикистан зачислена в зону интересов многих держав мира, которые находятся вне Центральной Азии, но их внешнеполитическая деятельность может способствовать развитию новой «большой игры» в регионе, а её результаты могут заметно повлиять на эволюцию социальных и политических систем страны.

Кроме того, нестабильная социально-политическая обстановка, связанная с гражданской войной в Афганистане, естественно влияет на политические процессы в Таджикистане и действий субъекта в этом направлении. Близость таджикской нации к народам государств

центральноазиатского региона и Российской Федерации, основывающаяся на географические и историко-культурные факторы, обуславливают сочетание, как этническую идентификацию населения страны, так и принадлежность к евразийской общности.

При этом, чем активнее Республика Таджикистан, как субъект политических действий будет участвовать в мировые демократические интеграционные процессы, тем шире у государства объективных возможностей не выходить за рамки принципов народовластия. Разумеется, международные организации и международное сообщество в целом, могут влиять на политические действия субъектов, которые направлены на демократизацию сфер жизни таджикского общества. В то же время, имеют место и иные внешние факторы воздействия на политический процесс в Таджикистане, хотя, в основном, в ближайшем будущем, имеющее место в настоящее время, прежнее положение в политической жизни республики будет сохраняться. Всецело учитывая эти обстоятельства, Республике Таджикистан необходимо проводить, в основном, самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, которая была бы направлена на защиту общественных и государственных интересов, и где собственные силы и ресурсы выступали как их опоры.

Совершенно очевидно, что для Республики Таджикистан курс на интеграцию путь развития представляется самым оптимальным, и пока этому пути нельзя подобрать альтернативу. Заслуживает одобрения тот факт, что на протяжении чуть более чем двадцатилетнего развития независимое таджикское государство курс на интеграцию с постсоветскими странами выбрало как приоритет в своей внешней политике. Политические процессы в Таджикистане в период после распада СССР подтвердили правильность выбора республики в пользу приоритетности сотрудничества в постсоветском пространстве, необходимость поддержания и углубления с учетом новых реалий интеграционных процессов.

Примечательно, что, даже тогда, когда, оппозиционные правительству, группы в 1992 г., временно оказавшиеся у власти в тот период, несмотря на их желания и действия, приоритетность данного вектора никогда не сменялась. Безусловно, поскольку на постсоветском пространстве сходятся многие интересы Таджикистана с интересами стран СНГ, смена превосходство доминирующего аспекта не представляется возможным, как в настоящем, так и в будущем. Этому, несомненно, будут способствовать также и общие для всех постсоветских государств - исторические, экономические, социальные и культурные связи, а также военные и геополитические факторы.

Фактически, с распадом Советского Союза таджикский народ в течение исторически короткого времени второй раз стал претерпевать существенные трансформационные процессы (первый раз в начале 20-х годов прошлого века, когда под влиянием победы Октябрьской революции в России и непосредственным вмешательством российских большевиков был свергнут бухарский эмир, и на местах была установлена советская власть).

Справедливости ради следует отметить, что создание устойчивых форм государственного управления в период социалистического строя, опыт государственности в составе Союза Советских Социалистических Республик, создали достаточно много существенных предпосылок для относительно мягкой трансформации национального общества в новую социально-политическую и экономическую модель прогресса. Неоспоримый факт, что решающее значение для поддержания социально-экономической жизнедеятельности таджикского общества в непростых условиях его трансформации сыграли именно, всесторонние связи с Российской Федерацией, сложившиеся ещё в советский период.

Необходимо подчеркнуть, что Таджикистану, после обретения независимости, внутренние и внешние силы пытались навязать различные модели развития, которые не были приняты гражданами

республики. Например, оппозиционные правительству Таджикистана силы, стремились создать здесь теократическое государство по примеру Афганистана и Ирана. Однако такой их расчёт не стал реализоваться, поскольку абсолютное большинство населения, выбрав путь построения демократического государства, не приняли его, и это было правильным политическим действием, что, затем, стало главным условием мира и стабильности в Таджикистане.

Характеризуя политические действия совокупного социального субъекта в этом направлении, следует отметить, что можно выделить ряд условий объективного и субъективного порядка, которые существенно повлияли на процесс демократизации, как таджикского общества, так и других постсоветских государств. К числу таковых исследователи относят:

- факторы международного характера (политические, экономические, военно-стратегические, культурно-идеологические и геополитические). Они включают в себя те предикторы, которые возникали в начале 80-х годов прошлого века и повлияли на реформаторские стремления субъекта политических действий в тогдашнем Советском Союзе, являющиеся благоприятными для будущего развития демократии, хотя не играли в тот период решающую роль;

- влияние государства и нациообразующих факторов, поскольку, сначала в советском строе, а затем и в суверенном Таджикистане, гарантированная государственная целостность и национальная идентичность отсутствовали. Как известно, распад СССР спровоцировал рост национализма и сепаратизма, прикрывавшиеся лозунгами демократизации и антикоммунизма. Обеспечение национального единства оказалось все более трудноразрешимой задачей, которая должна была решаться до начала демократизации национального общества, поэтому данный фактор осложнил этот процесс во многих постсоветских

государствах, в том числе и в Таджикистане, что обусловило его отличие от трансформационных процессов в других странах мира;

- воздействие структурных социально-экономических условий. После распада Союза ССР, Республика Таджикистан осуществляла процесс демократизации в условиях полного развала производственных мощностей, и в стране зародыши рыночной экономики абсолютно отсутствовали, что, естественно, не давало возможность ускориться трансформационным процессам. На этой основе, влияние данного фактора на действия субъекта относительно демократизации общества, в целом, было неблагоприятным;

- наличие необходимых социально-классовых предпосылок. Безусловно, в Таджикистане адекватная демократии социальная база, характеризующаяся, прежде всего, наличием необходимого среднего класса, тогда отсутствовала. Следующим фактором выступало лишь частично обновленный правящий класс, который «удержал власть и приобрел собственность, став главным призёром масштабного перераспределения и закрепления в фактически частное и акционированное владение, прежде всего, государственной собственности между основными входящими в него кланами и картелями».¹ Думается, влияние данного фактора также следует признать неблагоприятным для субъекта политических действий по его намерению демократизации общества;

- значение культурно-ценностных и процедурных факторов. В этой связи уместно акцентировать, что демократические преобразования в суверенном Таджикистане, как и во многих других независимых государствах в постсоветском пространстве, не были обусловлены широким распространением ценностей и ориентаций, характерных для гражданской политической культуры. Хотя, как показывает опыт многих стран мира, таджикистанцы, как субъект массовых политических действий, в перспективе могут постепенно усвоить эти ценности и нормы.

¹Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. - М., 1999. – С. 81.

В принципе, основываясь на результаты анализа характеристик носителей действий политического режима, в период трансформации общества можно выделить два идеальных вида. Наличие одного доминирующего субъекта действий, в отношении которого ни один из других из них не может выступать как препятствующий достижению всех или большинства его целей, характеризует сущность первого типа (моноцентрический), а наличие более одного активного субъекта политического действия свойственно второму типу (полицентрический). Соответственно, полицентричными являются демократические режимы, а моноцентричными - авторитарные. Промежуточные типы политических режимов характеризуются, как моноцентризмом, так и полицентризмом, а также аморфным соотношением сил субъектов политических действий.

Другим показателем здесь выступает характер взаимодействия формальных и неформальных институтов, где в качестве индикатора исследователи выделяют функционирование формальных политических институтов, т.е. «органов законодательной, исполнительной и судебной власти, местного самоуправления, политических партий и их фракций в парламентах, средств массовой информации - с точки зрения их автономии, эффективности и характера регулирования деятельности их действий, имея в виду соотношение легальных, внезаконных и противозаконных норм».¹ При использовании данного критерия сложно определить жесткие границы между различными режимами в переходном периоде, хотя, по большому счёту, можно утверждать, что, чем больше деятельность субъектов политических действий определяется неформальными институтами, тем меньше к демократической системе приближается существующий тип политического режима.

В период трансформации общества в демократический режим, что имело место и в Таджикистане, содержание проведения выборов включает в

¹Гельман В. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. - М. 1999. - С. 117-118.

себя, главным образом, доступность участия в них всех кандидатов, создание равных возможностей конкуренции (например, доступ к СМИ, бюджетное финансирование), строгое наблюдение за подведением итогов, а также применение равных и адекватных меры воздействия за нарушение установленных правил их проведения. При этом утвердившимся демократическим системам должны быть присущи свободные и справедливые выборы, однако для ряда постсоветских государств, как показывает практика, свойственен переходный вариант - свободные выборы, но, т.е., проходящие в ситуации неравенстве условий для субъектов политических действий.

Продолжая анализ, подчёркиваем, что значимой и неоспоримой является роль политических партий, как субъектов политических действий, в процессе формирования правительства и выработки политического курса в переходном периоде к демократическому строю. Как известно, в недемократических политических системах (например, при авторитаризме) партии выступают как явления второго порядка по отношению к существующему строю. В переходном периоде к демократии критерием роли партий, в первую очередь, является их способность к формированию политически ответственного правительства. Если значимость политических партий в процессе трансформации общества невысокая, то период демократизации будет долгим и сложным.

Важно иметь в виду, что в условиях авторитарного управления и демократического режима роль СМИ бывает различной. При недемократической политической системе средств массовой информации, как правило, находятся под жестким контролем со стороны государства. Однако демократическому обществу, безусловно, характерен плюрализм в сфере средств массовой информации, т.е. обеспечена их демонополизация, и они широко доступны различным субъектам политических действий. Базификация функционирования средств массовой информации в суверенных постсоветских государствах в переходном периоде может быть

неодинаковой: от варианта монополизации общенационального канала телевидения группой частных лиц и до варианта подконтрольности независимых масс-медиа их учредителям, которые могут быть представлены государственными органами.

Так как классификация вариантов трансформации бывших советских республик по отмеченным выше критериям очень разнообразно, поэтому ограничиться только одной моделью политических действий субъекта невозможно. По этой причине, можно предлагать типологию различных видов политических режимов в современных постсоветских странах.

Что касается факторов процедурного уровня, то они предполагают взаимообусловленность политических и экономических преобразований. Удачные демократические преобразования предусматривают последовательную политическую трансформацию в этом направлении, затем формирование и укрепление эффективных демократических институтов, а затем, конструирование «экономического общества», т.е. систему социальных гарантий и посреднических институтов между властными структурами и рынком, и, лишь после этого, стали проводить хрупкие и неполноценные реформы в экономике страны.

Как показала практика начального периода трансформации таджикского общества, после развала СССР, проблемы и дискуссии о конституционном устройстве государства превратились в вопросы войны и мира для Таджикистана, о чём свидетельствует, разразившаяся в стране, гражданская война в начале 90-х годов XX века. Этот горький опыт подсказывает, что в будущем необходимо придерживаться того типа государственного устройства, которое указано в Конституции Республики Таджикистан, и больше не вернуться к проблеме выбора модели нового социально-политического и экономического строя. Невзирая на это, нельзя не заметить и то, что, религия Ислам, как в Таджикистане, так и во всех странах Центральной Азии пока ещё сохраняет свою значимость для большей части населения данного региона.

Начавшиеся в Таджикистане трансформационные процессы, которые начались с распадом советской империи, отстранили эту бывшую союзную республику от прежнего пути политического, социально-экономического и идеологического развития, который имел место, будучи включенной в обширную региональную целостность союзного государства, некогда доминировавшее в двухполярном мире. Хотя, именно, в советских республиках Центральной Азии, к числу которых входил и Таджикистан, накануне распада Советского Союза наиболее ярко проявилось нежелание расстаться с общей интеграционной социалистической системой, пустившимися корни уравниТЕЛЬскими принципами, отказ от проведения радикальных реформ.

Естественно, в период протекания трансформационных процессов, которые начались сразу после обретения независимости, в центральноазиатских постсоветских государствах, в частности и в Республике Таджикистан, политические действия субъекта приобрели иные содержания и формы. Первое, и самое главное, в отличие от других государств Центральной Азии, действия политического субъекта в Таджикистане, с самого начала приобретения государственного суверенитета носили неорганизованный и деструктивный характер, что закономерно привело к внутриобщностному конфликту, который исследователями именуется гражданской войной.

Причиной таких, политических действий субъекта является, прежде всего, то, что кланово-структурированная партийная номенклатура, которая осталась у власти на первоначальном переходном этапе, не выдержала натиск радикально настроенных демократов, исламистов, а также вызовы внешних сил. Она объективно была не в силах приспособиться к самостоятельному управлению страной и уходу России из региона, не смогла остановить страну от внутреннего вооруженного конфликта, и поэтому, как закономерное следствие, вынуждена была отстраняться от власти. По сути, политические действия субъекта,

носившие конструктивное содержание, фактически, начались только после окончательного завершения гражданской войны в Таджикистане в начале нового, третьего тысячелетия.

Тем не менее, такие политические действия субъекта, как проявление отдельных тенденций авторитарного характера в процессе установления новой модели государственного строительства, неодинаковый уровень персонификации властных структур, превращение регионально-областного управленческого корпуса в правящий класс почти во всех независимых странах Центральной Азии, в частности и в Таджикистане, стали неизбежным следствием начального этапа тотальной трансформации национальных обществ.

Как не парадоксально, развязка общественно-политических противостояний в Республике Таджикистан продемонстрировала, что на переломных этапах развития истории, которые должны способствовать активной трансформации всех сфер общественной жизни, консерватизм элит становится предпочтительнее стихийного и созидательного порыва реформаторски настроенного большинства членов социума. Тем не менее, параллельно с укреплением устоев национальной государственности в Таджикистане, как и в других странах Центральной Азии, шел процесс модернизации общества, находившегося под влиянием веками формировавшихся традиций и обычаев.

Совершенно очевидно, что территория современного независимого Таджикистана представляет собой переплетение культурных и экономических границ, которые разделяли в прошлом и отделяют ныне друг от друга многие миры и цивилизации. Население страны синхронно связано с этими цивилизациями различным образом: на севере и северо-востоке Таджикистана расположена группа стран со светским характером государственного образования, а на юго-западе от него диспонируются государства, где в политической жизни их народов важную роль играет религия Ислам. К тому же, Республика Таджикистан, как и в советский

период, остается многонациональным государством, в котором, кроме таджиков, как титульная нация, проживают в немалом количестве и представители народов других государств Центральной Азии, особенно узбеков и киргизов. Пребывание таджикского народа сначала в составе Российской империи, а затем Советского Союза свыше ста лет, способствовало формированию своеобразного евразийского культурного симбиоза.

Все это в совокупности, закономерно обуславливает геополитическую неустойчивость суверенного Таджикистана, в условиях которой, устойчивое общностное развитие требует осуществления такой стратегии политических действий национального субъекта, как внутри страны, так и с внешним миром, которая могла бы обеспечить таджикскому народу в перспективе стабильность и желаемого прогресса. Вышеозначенный может стать реальным, если таджикское государство будет иметь общую геостратегическую орбиту с одним из окружающих его политических систем. В этом плане свою историческую судьбу Таджикистан прочно связал с Содружеством Независимых Государств, что отвечает интересам и потребностям национального субъекта политических действий.

В довершение всего, принимая во внимание важность внешней безопасности и внутривнутриполитической стабильности, как в самой стране, так и во всех постсоветских государствах, Таджикистан постоянно осуществляет и проводит интеграционную политику по отношению к СНГ и ОДКБ. Такие политические действия связаны с возникшей на современном этапе обостренной международной обстановки, которая требует от бывших союзных и нынешних суверенных республик, значительно повышая уровень их взаимодействия по укреплению системы коллективной безопасности, адекватно и оперативно реагировать на существующие, потенциальные вызовы и угрозы безопасности.

Не менее актуальным для субъекта политических действий является противостояние таким вызовам и угрозам, как сепаратизм, экстремизм, коррупция, наркоторговля, терроризм, организованная преступность, незаконная миграция и торговля людьми, контрабанда оружия, деструктивное информационное воздействие, кибертерроризм и последствия глобального экологического кризиса и др.

Разумеется, при наличии таких условий от субъекта политических действий требуется концентрация своих усилий, чтобы эффективно использовать накопленный внутренний потенциал и расширить взаимодействия с другими международными структурами. Необходимо также совершенствовать и сблизить законодательство государств-партнёров, осуществить совместную подготовку высококвалифицированных кадров для органов правопорядка, проводить согласованную информационную политику в интересах развития общего информационного пространства по борьбе с вызовами и угрозами безопасности этих стран.

Республика Таджикистан обосновано считает, что исключительно важным в борьбе с угрозами и вызовами безопасности выступает вопрос взаимодействия с другими ведущими глобальными и региональными интеграционными структурами по обеспечению безопасности, тесного, всестороннего согласования и координации действий, а также выработку единых подходов и позиций по актуальным проблемам международной безопасности.

Наряду с этим, для субъекта политических действий в Таджикистане, по сравнению с социально-экономическими связями и контактами с другими странами, военно-политические отношения с постсоветскими государствами являются также приоритетными. Это, вне всякого сомнения, означает стремление национального субъекта политических действий к происходящим интеграционным процессам в

пространстве Содружества Независимых Государств, которые имеют большие перспективы.

2.2. Перспективы политических действий субъекта в Республике Таджикистан по интеграции страны в пространство СНГ

Совершенно очевидно, что продиктованность политических действий субъекта особенностями того периода прогресса общества, конкретно определены теми целями и задачами, которые непосредственно связаны с сохранением свойств существующей социально-политической системы и потенциальных возможностей её развития. Когда речь идёт о периоде трансформации общества, т.е. - времени кризиса относительно универсальных представлений о социуме в целом, идейных парадигм и норм общественной организации, то, безусловно, активизируются те важные социокультурные механизмы, благодаря которым моделируются новые различия человеческого сообщества от окружающей природы и его состояний в прошлом. По большому счёту, новое обозначение смысловых границ общества, ускоренное воспроизводство его самоэкспликации, которые не позволяют ему смешаться с окружающим его миром, прекратить свое относительно целостное, жизнеспособное функционирование и заключается их цель.

На современном этапе развития суверенных постсоветских государств становится все более очевидным тот факт, что в условиях трансформаций, которые происходят в этих странах, после распада Союза ССР и усиления процессов глобализации, объективно возрастает роль и значение СНГ, как геополитического пространства, и как межгосударственного регионального объединения, обеспечивающего поддержание условий для стабильного всестороннего сотрудничества. Как известно, на первом этапе, в 90-е годы прошлого века, независимо от существовавшей риторики, политические действия Содружества Независимых Государств были

направлены на разрешение и предотвращение конфликтов, которые с неизбежностью возникали в ходе распада советской империи и «парада суверенитетов». А ныне, более чем через двадцать пять лет после создания СНГ, задачи созидательного, интеграционного характера все более выдвигаются на первый план в деятельности и действиях его стран-участниц.

Уместно подчеркнуть, что Содружество, с самого своего возникновения, решало двуединую задачу:

- с одной стороны, оно стало механизмом развода бывших союзных республик, следовательно, механизмом их дезинтеграции;

- с другой стороны, целью СНГ с самого начала было на совершенно новой основе, соответствующей современным принципам международных отношений и рыночной экономики, осуществление многоплановой интеграции только что образовавшихся суверенных государств.

Разумеется, для того чтобы действия политических субъектов, в частности Республики Таджикистан, по интеграции в пространство Содружества дали положительные результаты, требуется решение многих первостепенной важности проблем межгосударственного сотрудничества в соответствии с требованиями норм международного права. Думается, в связи с противоречивостью самой структуры связей между государствами, проявляющейся, например, в вопросе о членстве в СНГ, для них это является особенно важным. Так, на начальном этапе деятельности СНГ формально членами, признавшими обязательность его Устава, были десять государств (за исключением Туркменистана и Украины), хотя, в то же время, участниками Соглашения о создании СНГ являются все двенадцать государств.

Более того, действия не все из этих государств направлены на то, чтобы принимать участие в работе, созданных в рамках Содружества, институтов: представители, всего лишь восьми государств, входят в Экономический суд и Межпарламентскую Ассамблею СНГ. Такая форма политического объединения, ее правовая природа по определению в

международном праве характеризуется как межгосударственное объединение переходного, не устоявшегося типа. Сегодня, чтобы реально преодолеть дезинтеграционные начала в СНГ, необходимо принять, определяющие нынешний облик Содружества, основополагающие документы и создать базисные органы межгосударственного сотрудничества. Конечно, в теоретическом плане признание интеграции разного темпа и уровня в качестве формы сближения стран СНГ играет важнейшую роль. Это, в свою очередь, позволяет странам создавать, параллельно с Содружеством, различные межгосударственные объединения и союзы.

Следует отметить, что, имея свои собственные органы управления, каждое из ныне существующих межгосударственных объединений основывается на одном или нескольких международных договорах. Межгосударственные объединения, альтернативные Содружеству, могут быть сформированы в виде союзного государства (например, Союз Белоруссии и России), межгосударственного объединения (ЕАЭС) или ассоциированного членства (Грузия, Узбекистан, Украина, Армения и Молдова - ГУУАМ).¹ Исходя из этого, можно утверждать, СНГ представляет собой синтез межгосударственных связей, различных по уровню, интенсивности и другим параметрам, что, несомненно, сказывается на коллективном политическом действии его членов относительно интенсивной их интеграции.

Действия стран-членов Содружества за весь период его существования, вне всякого сомнения, способствовало умножению опыта межгосударственного сотрудничества, укреплению их суверенитета, консолидацию, в некоторых из них, потенциала гражданского общества, содействовало упрочению обдуманых подходов к процессам трансформационного характера. Постепенно, но верно у политических

¹См.: Хохлов Н.П. Состояние и перспективы развития экономических связей Российской Федерации и Республики Таджикистан. - Душанбе, 2001.

национальных элит СНГ устанавливается понимание того, что успехи в развитии суверенитета находятся не в конфронтационных началах, а в интеграционном процессе. Они возможны в рамках интеграции, восстановлении потерянных экономических и иных связей, подтверждении основ исторической общности, укреплении и развитии диалоговых площадок.

По нашему мнению, анализ действия политических субъектов относительно интеграционных процессов в рамках СНГ, допуская разработку адекватной межгосударственным реалиям парадигмы, может стать прочной теоретической базой их объединительных стремлений. В тоже время, действия государств в этом направлении, особенно с точки зрения правового оформления, корректировки национальных и геополитических приоритетов, совершенствования форм и способов сотрудничества государств в разных сферах, уточнения схем создания межгосударственных объединений, которые могут консолидировать Содружество, требует своего дальнейшего развития.

Акцентируя сотрудничество, как форма межгосударственных политических действий стран СНГ, считаем необходимым, напомнить обоснованное утверждение отечественного исследователя-политолога, что: «Сотрудничество - это политика государства, призванная регулировать и развивать экономические, социально-политические и другие сферы общества с другими странами, с целью дальнейшего укрепления дружбы развивать интересы человека, на международной арене».¹ Более того, понятие «сотрудничество» объединяет в себе всю совокупную деятельность основных субъектов политических действий, как одного, так и большинства государств нашей планеты.

Совершенно очевидно, что основой сотрудничества между народами, нациями и государствами выступают экономические, социально-политические, культурные и другие факторы, а также конкретные

¹Дадабаева З.А. Таджикистан Россия: аспекты сотрудничества. - Душанбе, 1999. - С. 7

исторические условия общественной системы. Однако важно учесть, что человеческое общество на каждом этапе своего развития выдвигает свои требования организации взаимодействия между странами, и как показывает опыт, в каждом историческом периоде сотрудничество между государствами имеет свою специфику. Классическим примером этому может служить сотрудничество государств и формы его проявления в условиях бесклассовых и классовых общественно-экономических формаций, тоталитарного, авторитарного и демократического политических режимов. Так, в условиях первобытного общественно-экономического строя, между отдельными племенами и людьми, сотрудничество было синкретичным и несистемным, а в формациях, которые основывались на частную собственность, оно имело совершенно иное содержание и форму.

Разумеется, сотрудничество, играя немаловажную роль в управлении и организации общественной жизни, является сферой согласования интересов каждого гражданина, различных социальных групп в государстве, мирного налаживания их взаимоотношений и регулятивной политических действий субъектов. Эффективное решение проблем в экономической, социально-политической, духовно-идеологической политики во многом зависит от степени реализации, выработанной государством, стратегии налаживания сотрудничества с другими странами.

Поэтому укрепление связей и сотрудничества со странами СНГ должно стать главным внешнеполитическим приоритетом (связанным, в том числе, с получением конкретных преимуществ на мировых рынках) в действиях каждого государства, входящего в него. Нельзя упустить из виду то, что, для осуществления масштабных совместных инфраструктурных транспортных и энергетических проектов, стран Содружества есть много возможностей, и их реализация повысит степень вероятности скорейшей интеграции этих государств, также придаст новые возможности основным сферам сотрудничества между ними.

Ныне сложившиеся плодотворные отношения и формы сотрудничества между странами СНГ, является закономерным и необратимым процессом, и расширение пространства разноформатного взаимодействия между суверенными государствами на постсоветском пространстве создаёт реальные шансы и раскрывает перспективу социально-политического сотрудничества Республики Таджикистан с другими государствами Содружества.

Считаем важным акцентировать, что политические действия субъекта (в качестве которого, как в предыдущих разделах нами было указано, выступают и властные структуры), направленные на преобразование внешнего политического пространства, может реализовываться в виде внешней политики государства, и её осуществление является необходимой потребностью для любой страны. На этой основе, успешная и скорая интеграция той или иной суверенной постсоветской республики зависит от содержания и специфики осуществления её внешней политики.

Не секрет, что Республика Таджикистан после распада Советского Союза и обретения независимости, в последнее десятилетие XX столетия, в поиске пути самостоятельного развития, пережила драматические события в своей новейшей истории. Совершенно обоснованно в этом плане мнение, что: «Если одной республике (*из бывших советских* – наш курсив) удалось стать независимой легко и свободно, другим лишь с преодолением некоторых формальных препятствии, то таджикскому народу была начертана долгая, кропотливая, сложная и кровавая дорога. Таджикистан оказался вытянутым в братоубийственную войну, весь трагизм которой таджикстанцы ощущают, и будут ощущать еще долго».¹

Как показывает анализ политических процессов в Республике Таджикистан, с самого начала приобретения независимости, суверенное таджикское государство определило установить партнёрские и дружеские

¹Алимов Р. Вместе с ООН - дорогой мира и созидания. - Нью-Йорк, 2003. – С. 87.

связи со всеми бывшими советскими, а ныне независимыми странами в своей внешней политике. Поиск путей формирования институциональных механизмов внешней политики и методы её реализации, как известно, протекал в очень сложных и трудных экономических, социально-политических, духовно-идеологических условиях, поскольку страна находилась в состоянии глубокого политического кризиса, и была втянута в гражданскую войну. Политические действия молодого, независимого государства, в форме осуществления его внешнеполитического курса, основывались на всестороннем анализе, сложившейся в те времена ситуации, ее основных свойств, верной оценки соотношения и расстановки политических сил на мировой арене и в центральноазиатском регионе.

Основные положения и направления внешней политики Таджикистана базировались на принципы построения демократического, правового, светского, суверенного государства, политики мира, безопасности, сотрудничества со всеми странами мира, и, прежде всего, государствами Содружества. Как твёрдо заявил Президент страны: «Во внешней политике мы не сойдем с избранного пути. Будем по-прежнему придерживаться принципа мирного сосуществования, отвечающего международным нормам. По-прежнему, мы выступаем за самую тесную интеграцию со всеми странами СНГ и, в первую очередь, с Россией за взаимодействие и сотрудничество на взаимовыгодной основе с государствами региона и мира».¹

Безусловно, возникновение всякого нового в жизни народов того или иного региона земного шара, тесно связано с происходящими изменениями в международных отношениях более устойчивого исторического периода, что ставит перед исследователями задачу - ответить на злободневные вопросы теории и практики политических действий субъекта. В период глубоких трансформационных процессов, переживаемых обществом, которые сопровождаются не только позитивными, но и негативными

¹Рахмонов Э.Ш. Таджикистан на пороге будущего. - Душанбе, 1997. – С. 24.

явлениями, это становится особо актуальным. Исходя из анализа сущности исторического опыта международных отношений и дальнейшего прогресса человеческой цивилизации, можно сделать такой вывод, что в новой структуре позиции положительного развития мирового сообщества укреплению безопасности и прочного мира, обеспечению стабильности и демократических свобод, неукоснительному соблюдению прав человека, выработке конструктивного курса внешней политики отводится центральное место.

Если применить это положение для характеристики состояния внешнеполитического курса Таджикистана, то следует отметить, что в начальном этапе суверенитета государства формирование и реализация его внешней политики протекало очень непросто, поскольку ситуация внутри страны была неустойчивой и шла гражданская война.

Внешняя политика Таджикистана, в течение более чем двадцати пяти лет его независимого существования играла важнейшую роль в обеспечении независимости и суверенитета государства, что привлекает к себе внимание ведущих геополитических акторов, соседних стран и других государств СНГ. Таджикистан не является исключением. При этом каждый новый этап развития международных отношений требовал от Республики Таджикистан серьезных действий, чтобы верно определить внешнеполитические ориентиры, адекватно отвечающие её национальным интересам, и адаптировать свою внешнюю политику к ним.

В этом плане Таджикистану необходимо проводить свою взвешенную внешнюю политику по отношению к странам Содружества, и прежде всего, с Российской Федерацией, потому, что она является лидером геополитического доминирования в Центральной Азии, и российский фактор во всех современных центральноазиатских странах играет решающую роль. РФ, как самая развитая страна в СНГ и одна из супердержав мира, не может не иметь свои геополитические интересы, как в Таджикистане, так и в центральноазиатском регионе. Думается, что когда

Россию, которую в отличие, например, от некоторых других бывших советских республик, в Центральной Азии, не считают чужой, приходится проводить в отношении всех государств региона в целом, и по каждому из них в отдельности, выверенную и отвечающую ее национальным интересам политику.

Дружеские отношения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан берут своё начало ещё с советских времён: совместное нахождение в составе единого союзного государства в течение почти 70 лет объединило их в сложных геополитических противостояниях прошлого века. Оно формировало также общность интересов в рамках единого народно-хозяйственного комплекса и создало единое культурно-образовательное пространство в период «строительства коммунизма».

Следует отметить, что, поскольку интересы России не противоречат высшим государственным интересам Республики Таджикистан, поэтому она выступает за дальнейшую интеграцию и сближение с РФ, которая всегда была и остается фактором сохранения и укрепления политической и национальной независимости таджикского народа. Решающую роль в установлении мира и поддержании стабильности в Таджикистане сыграла, оказанная Россией, помощь в военно-политической сфере в 90-е годы XX века. Огромен также вклад РФ на переговорах противоборствующих сторон в ходе гражданской войны (1992–1997гг.), как государства-наблюдателя, которое решающим и благотворным образом воздействовало на весь ход переговорного процесса и прекращение вооружённых столкновений противоборствующих сторон в Таджикистане. В обеспечении военной техникой, оборудованием, специалистами, обучением военных кадров, российская сторона на постоянной основе, согласно подписанному Соглашению (май 1993 г.), оказывает помощь Министерству обороны Республики Таджикистан в охране её государственных границ. Важным звеном в единой системе коллективной безопасности в Таджикистане и в

центральноазиатском регионе выступает Военная база РФ, расположенная на территории республики.

После встречи глав государств РТ и РФ в Сочи в августе 2004 г. отношения между этими странами вступили в новую фазу, поскольку, подписанные ранее во многих важнейших сферах, соглашения получили свое юридическое обеспечение в дальнейшем. Подписанные в ходе визита президента РФ в Республику Таджикистан в октябре 2004 г. ряд соглашений, дали новый импульс таджикско-российским отношениям, что привело к появлению, охватившего важнейшие стороны межгосударственных отношений, целого блока новых договоров и соглашений. На данный момент свыше 200 подписанных и ратифицированных договоров и соглашений, что обусловлено общностью геополитических интересов Российской Федерации и Республики Таджикистан, составляют правовую основу двусторонних отношений между ними. Сотрудничество и связи обоих государств формируются с учетом их интересов и на взаимовыгодной основе, и это особенно проявляется в создании совместных таджикско-российских предприятий, которых на сегодняшний день уже более пятидесяти.¹

В действиях политического субъекта приоритетным направлением на современном этапе является развитие экономических связей и сотрудничества двух стран: например, Таджикистан поставляет России сельскохозяйственную продукцию, хлопок, табак и алюминий, а взамен получает продовольствие, сельскохозяйственное сырье, продукция химической промышленности, нефть и нефтепродукты, машины и оборудование, транспортные средства и т.д. Заслуживает констатацию тот факт, что в 2008 г. товарооборот между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией составил 1 млрд. долл., увеличившись за три

¹Саидов З.Ш., Сабуров А. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене. - Душанбе, 2005. – С. 191.

последних года в три с половиной раза, что свидетельствует о динамичном развитии торгово-экономических связей между двумя странами.¹

Активизируется российско-таджикское сотрудничество в таких областях, как цветная металлургия, горнодобывающая и текстильная промышленность, сфера телекоммуникаций и инновационных технологий. На таджикском рынке появились российские компании по предоставлению услуг мобильной связи и Интернета, что позволит нашим гражданам находиться в едином информационном пространстве. Знаменательно, что в настоящее время Россия является основным инвестором Таджикистана в наиболее значимых экономических проектах. В течение 2007–2008 гг. из России в Таджикистан поступило инвестиций на сумму более 403 млн. долл. США.² Характерно, что на сегодняшний день развития производства в Таджикистане и сотрудничество с иностранными инвесторами, в частности с российскими, остается главным фактором экономического роста и способом повышения конкурентоспособности производимой здесь продукции. Он также может способствовать решению многих проблем, которые связаны с финансированием промышленно-технических и коммерческих проектов в Республике Таджикистан.

Безусловно, энергетика является самым приоритетным направлением в сфере экономического сотрудничества этих двух государств. В этой области крупнейшим проектом на постсоветском пространстве, который реализован при значительном участии российского капитала выступает Сангтудинская ГЭС-1, введенная в строй с опережением сроков в мае 2009 г. На состоявшейся официальной церемонии пуска ГЭС «Сангтуда-1» 31 июля 2009 г. присутствовали президенты Республики Таджикистан и Российской Федерации. В сфере совместного освоения потенциальных углеводородных месторождений в Таджикистане, также расширяется диапазон сотрудничества государств. Так, в Таджикистане осуществляет

¹ Статистический ежегодник Республики Таджикистан (офиц. изд.). - Душанбе, 2008. – С. 328.

² Там же. – С. 329.

поиск и разведку углеводородов российская компания «Газпром зарубежнефтегаз». Осуществляемый ей проект призван содействовать достижению Таджикистаном энергетической независимости, обеспечить республику собственным природным газом и нефтепродуктами.¹

Вне всякого сомнения, новый импульс двусторонним отношениям и раскрытию их мощного потенциала придаёт нынешнее тесное и конкретизированное сотрудничество Таджикистана и России в таких областях, как гидроэнергетика и горнорудная промышленность. Думается, реализация прорабатываемых на данный момент инвестиционных проектов по завершению строительства Рогунской и Сангтудинской ГЭС, а также освоение крупнейшего в мире месторождения серебра «Конимансур» на севере Таджикистана могут способствовать появлению на таджикском рынке высоких технологий и активизации таджикско-российского сотрудничества в сфере экономики.² Эффективного контроля над ситуацией в регионе может обеспечить активное участие РФ в разработке и транспортировке энергоресурсов Центральной Азии.

Тесно сотрудничество Таджикистана и России в рамках ООН, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ и ШОС происходит в самых разных сферах, начиная от совместной выработки и координации внешнеполитических подходов по решению актуальных международных и региональных проблем, до налаживания многопланового сотрудничества в торгово-экономической, гуманитарной и других направлениях.

Исходя из содержания существующих публикаций по данной теме, можно заключить, что исследование политического аспекта проблемы сотрудничества, как одна из форм действия субъекта в этой сфере, предполагает преодоление ряда трудностей, среди которых - отсутствие характеристики параметров, которыми должен обладать этот феномен. Это,

¹ Саидов З.Ш., Сабуров А. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене. - Душанбе, 2005. - С. 85.

² Саидов З.Ш., Сабуров А. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене. - Душанбе, 2005. - С. 275.

в свою очередь, затрудняет попытку изучить различные виды сотрудничества в пространстве постсоветских республик в современных условиях, и порождает преграды на пути научного осмысления особенностей сотрудничества на основе практического опыта стран Содружества Независимых Государств.

Такая ситуация обосновывается тем, что после распада Советского Союза и образования нового политического объединения в форме Содружества Независимых Государств в постсоветском пространстве во всех сферах жизни общества произошли трансформационные изменения, в основном, деструктивного характера. Как объективный результат, разрушались и были упразднены центральный орган по управлению государственной властью, единый производственный механизм, общий социально-культурный и идеологический центр, единая система здравоохранения и образования и военно-политическое единство всех социалистических республик. В совокупности, эти негативные процессы закономерно создали кризисную ситуацию в межгосударственных отношениях стран Содружества.

Как показывает опыт по реставрации сотрудничества между странами, входящими в Содружества Независимых Государств, установление и развитие сотрудничества между ними происходило очень трудно и непростыми путями. Это случилось потому, что «с распадом СССР в конце 1991г. на политической карте мира исчезла империя, на месте которой образовались пятнадцать независимых государств, которые сегодня находятся в процессе формирования национальной государственности, разработки стратегий развития, своего места в региональных и глобальных процессах, форм и методов интеграции стран бывшего СССР в структуру международного сотрудничества во многом определяют и место

постсоветского пространства и формирующую систему международных отношений».¹

Считаем уместным напомнить, что, хотя, между странами Содружества, начиная с 1991г. были заключены многочисленные договоры и соглашения о двухстороннем сотрудничестве, однако анализ опыта фактических их взаимоотношений за последние годы показывает наличие для сотрудничества неиспользованных резервов. Нереализованные источники сотрудничества между странами СНГ способны развивать их взаимодействия и связи с целью сближения и координации позиций по актуальным вопросам, которые представляют для этих государств определённую значимость.

Выявляя сущностные черты сотрудничества государств в пространстве Содружества, следует подчеркнуть, что в рамках политической системы общества действия субъекта политики занимает центральное место в этом направлении, так как они, тесно увязывая политику и отношения между государствами, регулируют все социально-политические, идеологические, культурные, научно-технические и военные проблемы. Такие действия субъекта укрепляют и развивают взаимодействия между независимыми постсоветскими республиками и решают очень важные проблемы, на подобие:

- координация деятельности государств по осуществлению их внешней политики;
- создание и совершенствование общего для стран Содружества экономического пространства, формирование цивилизованных рыночных отношений, разработка таможенной политики;
- организация инфраструктуры и логистики в системе транспорта и связи;

¹Толкунов А.В. Внешнеполитические процессы в СНГ//Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. - Минск, 1992-1998.

- содействие в создании глобальной международной системы экологической безопасности и участие в работах международных организаций по охране окружающей среды;

- проведение профилактических работ с целью предотвращения радикализма, экстремизма, и терроризма среди населения и борьба с организованной преступностью.

Если вспомнить историю процесса становления и развития сотрудничества в рамках стран Содружества, то можно утверждать, что она состоит из двух этапов:

Первый этап начался сразу после распада советской империи и обретения независимости бывших союзных республик (т.е. охватывает период с 1992 по 1993 года), и цель которого характеризовалась стремлением сохранить целостность постсоветского пространства, т.е. «происходила ломка механизмов в прошлом межреспубликанского сотрудничества. Основным результатом первого этапа сотрудничества стало быстрое и лишь отчасти регулируемое экономическое, правовое и политическое размежевание стран бывшего СССР».¹

Как показывает исторический опыт, страны Содружества приступили к поиску новых механизмов взаимодействия в различных областях, которые позволили бы сочетать интересы всех, или хотя бы большинства его участников после распада Союза в постсоветском пространстве на втором этапе, начало которого можно отнести к осени 1993 года.

Как известно, прилагавшиеся во втором этапе (в 1997 году) усилия, в основном, оказались безуспешными, и с усилением критики в адрес Содружества Независимых Государств за его неэффективную деятельность, как инструмента многосторонних эффективных отношений, начался поиск новых, прагматических решений разнообразных и очень важных проблем, с которыми столкнулись в своих внешнеполитических действиях эти страны

¹ Толкунов А.В. Внешнеполитические процессы в СНГ: Цифры, факторы, персоналии. - Минск, 1998. - С. 27.

по поводу разноформатного сотрудничества. При этом два вопроса: реформа структуры органов СНГ и формирование зоны свободной торговли оказались в центре внимания стран-партнёров.

Бесспорный факт, что сотрудничество между странами Содружества независимых государств берёт начало с конца 1991 года, и к 1997 году оно окончательно сформировалось. Базовым принципом взаимоотношения и сотрудничества между Республикой Таджикистан и постсоветскими независимыми странами выступало и по сей день выступает сочетание национального и интернационального, которое правомерно обусловлено объективным законом взаимодействия двух тенденций в теории и практике любого государства. Это:

- стремление каждого из них к политической независимости и национальной самоидентификации;
- свобода политического самоопределения на основе взаимного сотрудничества, создание и укрепление дружеского отношения с государствами, которые имеют между собой двухсторонние и многосторонние взаимовыгодные отношения.

Стоит подчеркнуть, что действия государств по ускорению темпа сотрудничества и его расширение в рамках СНГ способствуют росту интеграционных процессов, образующих его стран, и согласно имеющимся показателям, на данный момент уже имеются определенные результаты в этой области, что особенно заметно в экономических, социально-политических и научно-технических сферах.

Заметим, что Таджикистан, в то время, руководствуясь политическими и экономическими интересами своего народа, вошёл в состав Таможенного Союза и ЦАЭС, приняла активное участие в разработке и принятии всех решений, которые в случае их реализации могут способствовать расширению и углублению интеграционных связей в сфере

экономики, науки, образования, культуры и коммуникации.¹ Она, фактически, поддерживает любые действия стран СНГ, которые направлены на обеспечение реальных интеграционных процессов со своими бывшими «собратями», и исходит из того основополагающего фактора, чтобы его внешнеполитические интересы были универсальными и нашли определенную нишу во всех сферах их отношений. Наряду с этим, Таджикистан более интенсивно наращивает темпы традиционного партнерства в области торгово-экономического, научно-технического и культурно-информационного сотрудничества со странами Содружества, с которыми он находится в едином экономическом и транспортно-коммуникационном координировании. Подобное состояние возлагает на республику обязанности постепенно выправлять свои связи и сферы сотрудничества со всеми другими постсоветскими государствами и, в первую очередь, со странами Центральной Азии.

Перспективы политических действий стран по интеграции в рамках СНГ обуславливаются рядом корреляций, вытекающих из современного его состояния. Это, прежде всего:

а) реакция суверенных государств на усиление влияния внутренних и внешних факторов, которые могут ускорять центробежные тенденции на пространстве Содружества;

б) активная и последовательная политика Российской Федерации в пространстве независимых постсоветских республик и эффективность ее влияния на процессы, имеющие внутрирегиональный характер;

в) наличие политической воли руководства и национальной элиты стран Содружества Независимых Государств по реализации интеграционных планов;

г) позиция населения стран СНГ к его перспективам и дальнейшей судьбе.

¹См.: Назаров Т.Н. Таджикистан: Политика, экономика, международное сотрудничество. - Минск, 2002.

В то же время нельзя не учитывать, и противоположные этому мнения, на природу и сам факт существования Содружества. Например, по мнению бывшего министра иностранных дел одного из стран Содружества: «СНГ — это исторический экспромт. Содружество не является результатом интеграционных усилий, это порождение дезинтеграционных процессов, причем спонтанное»,¹ с чем нельзя согласиться полностью.

По нашему мнению, не совсем обоснованы и такие мнения, как «СНГ вообще не существует, а есть только постсоветское пространство»² или «СНГ никогда не было интеграционной группировкой в общепринятом смысле этого слова».³ Думается, что в таких выводах имеет место отсутствие позитивных результатов, которых, безусловно, могли бы добиться страны Содружества, если бы оно развивалось по закону отрицание отрицания. Несомненно, в подобных рассуждениях слишком очевидна «упущенная выгода», и они затрагивают историческое прошлое и настоящее данного политического объединения государств, а не его будущее. Когда речь будет идти об определении перспектив развития интеграционных процессов, необходимо рассматривать их варианты через призму востребованности самого Содружества Независимых Государств. Результаты дискуссии по Докладу Группы высокого уровня на Минском саммите 2006 года относительно вопросам повышения эффективности деятельности Содружества выглядят положительными.

В качестве подтверждения сказанному, достаточно упомянуть точку зрения тех, кто собственно и считается носителями, так называемой, «политической воли» на пространстве СНГ, включая те страны, которые до недавнего времени не числились в авангарде интеграционных процессов. Так, по мнению бывшего политического лидера одного из стран-членов Содружества, «развитие экономического сотрудничества, решение

¹Латипов У.Р. СНГ - это исторический экспромт /Свободные новости. Плюс, 2007. 17 января.

²Делягин М. После СНГ: одиночество России /Ежедневный журнал, 2006. 11 декабря.

³Гринберг Р.У. У СНГ не может быть второго дыхания потому, что не было первого. www.Viperson.ru. 2007. 7 мая.

организационных механизмов управления экономической интеграцией, ... должно быть главенствующим, должно быть сердцевиной деятельности СНГ... Платформа для постоянного политического взаимодействия должна всегда присутствовать».¹

Не менее привлекательно по этому поводу и мнение другого бывшего руководителя одной из республик Центральной Азии, что «Попытки ограничить круг стратегических задач и приоритетов, на которые должна быть нацелена деятельность СНГ, только... текущими вопросами экономического, коммуникационного, гуманитарного характера, вопросами борьбы с трансграничной преступностью, несмотря на их практическую важность, могут на деле превратить СНГ в «некий клуб». Речь должна идти «о концептуальном преобразовании, о выходе на те оптимальные приоритеты в деятельности СНГ, которые бы устраивали все государства... и, наконец, о создании такой системы и механизмов принятия решений, которые обеспечивали бы безусловное выполнение принимаемых в СНГ согласованных документов».²

В этом отношении принципиально важным политическим действием является принятое главами государств Содружества постановление о разработке Концепции дальнейшего развития СНГ, в котором речь идет о согласованном намерении превратить пока еще аморфное объединение в динамичную интеграционную структуру.³ В таком контексте, основываясь на признании прочности и необходимости Содружества, стоит размышлять и о путях и способах повышения его интеграционного потенциала.

Как нам кажется, приоритетом дальнейших политических действий субъекта (государства) в формате сотрудничества в рамках СНГ, также как и прежде, должно стать социально-политическое и экономическое взаимодействие, но только на новом, более высоком качественном уровне. Естественно, для этого необходимо, в первую очередь, имеет смысл

¹ Материалы заседания Совета глав государств СНГ. – Минск, 28ноября 2006г.

² Там же.

³ Концепции дальнейшего развития СНГ от 5 октября 2007 года.

поводить черту юридическому оформлению создания зоны свободной торговли и дать возможность ее полноформатной деятельности. Наряду с этим, пространство сотрудничества в рамках Содружества следует рассматривать как перспективную, долговременную основу для развития других не менее важных линий взаимодействия и взаимоотношений.

Более того, сотрудничество в науке на новой инновационной основе могло бы стать дополнительным стимулом дальнейшего развития интеграции стран СНГ, так как оно является шансом выживания и созданием условий для настоящего развития Содружества в условиях глобализации. К тому же, реверсия на путь объединения не осуществляться через реставрации прежних производственно-технических контактов, которые во многом утрачены. Оно происходит посредством создания таких связей на новой, рыночной основе, которые формируют мощные транснациональные корпорации и научные центры, опирающиеся на новые технологические достижения.

Такие условия требуют создания значимых межгосударственных центров, а также предоставления особого статуса некоторым высшим учебным заведениям по подготовке для стран СНГ, в частности для Таджикистана, высококвалифицированных научно-инженерных кадров. В создании современной техники для всего промышленного комплекса государств Содружества можно было бы рассматривать и военно-техническое сотрудничество, как не менее важного способа выхода на новые рубежи в их взаимоотношения. Вместе с тем, дальнейшее развитие межрегионального и приграничного взаимодействия, которое в относительно в короткие сроки способно дать дополнительный импульс для углубления сотрудничества в экономической, социальной и гуманитарной сферах, могло бы стать перспективным направлением сотрудничества.

На данный момент в странах СНГ, в частности и в Республике Таджикистан, достаточных условий для начала движения по пути создания эффективной интеграционной группировки в формате всего Содружества,

все еще не создано. Невзирая на это, определенные предпосылки для усиления процессов интеграции в нём заинтересованных государств, всё ещё, имеются. Тем не менее, многие государства-члены Содружества к таким стадиям интеграции, как таможенный союз и общий рынок, все еще не готовы, хотя постепенное осознание групповых и коллективных интересов по формированию отдельных направлений развития растет, и предпринимаются организационно-правовые меры по консолидации усилий, направленных на их воплощение.

Примечательно, что действие факторов консолидации в сфере взаимодействия в борьбе с современными вызовами и угрозами, начиная с 2000 года, устойчиво усиливается. Вместе с тем, невзирая на всю противоречивость принятых деклараций, и реальных действий, они заметны в сфере экономики, в основном, в торговом и инвестиционном взаимодействии, что связано с чётко наметившимся экономическим ростом во всех странах Содружества. Хотя ресурсы подобного прогресса небольшие, и они, прежде всего, связаны с повышением мировых цен на топливно-энергетические ресурсы. Поэтому перевод роста экономики в фазу стабильного развития, основываясь на принцип реализации интенсивных технологических и структурных изменений, диктует проведения адекватной политики.

Анализ мнения большинства исследователей по виртуальным перспективам деятельности Содружества приводит к такому выводу, что оно в ближайшем будущем сохраняется как площадка для неформального диалога руководителей государств, входящий в него. Наряду с этим, по крайней мере, существует ещё одна модель действий политических субъектов, предусматривающая полноформатную интеграцию тех стран СНГ, которые действительно готовы пойти на дальнейшую амплификацию взаимодействия, вплоть до проведения согласованной политики в сфере экономики. Такая политика предусматривает акцентуации конкретного

«ядра», вокруг которого пойдут объединительные процессы на новых условиях".¹

Несомненно, такая стратегия преследует цель - создание регионального экономического объединения, на базе кооперирования заинтересованных государств с участием Российской Федерации. Такой тип интеграции подразумевает не обычного усиления экономического взаимодействия, а особую форму сотрудничества в области экономики, где в качестве главного должна выступать согласованная политика в этой сфере и преференции, которые распространяются только на хозяйствующие субъекты политических действий, входящих в интеграционную группировку.

Объективно оценивая современное состояние интеграционных процессов в рамках Содружества, можно заключит, что по сравнению с 90-х годов XX века, шансы их реализации значительно ограничились, т.е. они локализируются странами-членами ЕАЭС, а также форматом Союзного государства России и Белоруссии, - как наиболее цивилизованной интеграционной программы. Указанного сценария должна дополнять политика развития экономического сотрудничества с, оказавшимися вне рамок интеграционного альянса группировок, другими государствами Содружества. При этом активизация двусторонних и многосторонних хозяйственных связей и на таких уровнях, как государство - бизнес между Россией, ее ближайшими союзниками и теми странами Содружества, не склонными интенсифицировать интеграционный процесс в рамках СНГ, является её главной целью.

Безусловно, постепенное усиление степени их взаимозависимости от экономики России, и ее ближайших партнеров по Содружества в его внутреннем рынке, как стратегия хозяйственного взаимодействия с государствами, не входящими в ЕАЭС, должна быть нацелена на то, что может создать позитивные условия для перехода, в дальнейшем, к более

¹Рецепты спасения СНГ... Интернет-ресурс: <https://www.sb.by/articles/retsepty-spaseniya-sng-.html> ...

компактным интеграционным формам сотрудничества. Вдобавок этому, было бы целесообразно организовать тесное сотрудничество на внешних рынках в пространстве стран СНГ по многим видам товаров, в первую очередь, сельхозпродукции, топливно-энергетических и военно-технического назначения в рамках совершенствования взаимодействия в области экономики. В формате СНГ Россия, скорее всего, будет вынуждена проводить такую стратегию развития экономического взаимодействия по отношению к таким постсоветским государствам, как Азербайджан, Грузия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина. При таких обстоятельствах, с учётом разумного сочетания двух, выше нами названных, составляющих, вышеупомянутый вариант объединения государств, представляется реальным. В конечном итоге, вовлечение остальных стран Содружества в общую интеграционную группировку должно стать целью такого соединения.

Субъекты политических действий, синхронно определяя экономические процессы приоритетами в консолидации стран Содружество, необходимо всеми возможными способами поддерживать и развивать, базирующееся на русском языке, общее гуманитарное пространство. В качестве инструмента поддержки политического диалога по вопросам дальнейшей трансформации постсоветского пространства, поиска путей решения проблем в сфере безопасности, укрепления информационного, научного, образовательного и культурного сотрудничества, СНГ следует сохранить и развивать в его рамках интеграционные процессы.

Думается, чтобы придать динамизм интеграционным процессам на пространстве Содружества, Россия, руководствуясь не столько принципом получаемой экономической выгоды, а сколько необходимостью дополнительных вложений в перспективный стратегический проект активно развивающегося регионального интеграционного альянса, ориентируясь на достижения системных результатов, должна осознанно идти на немалые расходы. Ввиду этого, при осуществлении процедур по «ужесточению»

требований сотрудничества с государствами Содружества, особенно в области поставки нефтегазовых ресурсов, способных пагубно сказаться не только на имидже РФ, но и ухудшить экономическое положение как раз населения тех стран СНГ, которые наиболее дружественно к ней настроены, ценно демонстрировать политическое благоразумие. По всей вероятности, в обстановке острой конкурентной борьбы между различными международными политическими акторами, которая разворачивается на пространстве Содружества Независимых Государств, без затрат невозможно достигнуть своих желанных стратегических целей.

Таким образом, подводя итог политических действий субъектов, в том числе Республики Таджикистан, по их интеграции в пространство СНГ, можно сделать вывод, что её реализация в формате Содружества вполне возможно потому, что:

- в его пространстве объективное противоречие между совершенствованием разностороннего сотрудничества и задачами укрепления суверенитета государств-членов отсутствует;

- пути экономической трансформации стран СНГ по созданию рыночной экономики схожи, почти у всех уровень развития производительных сил одинаковый, а технические и потребительские стандарты очень близкие;

- на постсоветской территории имеются огромный ресурсный потенциал, развитая наука и очень богатая культура. Например, 18% мировых запасов углеводородов (особенно нефть), 40% природного газа и 10% мирового производства электроэнергии приходятся на долю Содружества;

- взаимозависимость и взаимодополняемость национальных экономик в связи с общностью их исторического прошлого, функционированием объединенных сетей транспортных коммуникаций и линий электропередач, а также с отсутствием тех или иных видов природных ресурсов в одних государствах при их избытке в других, до сих пор сохранены;

- географическое положение СНГ, его значительный транзитный потенциал, развитая сеть телекоммуникаций, наличие реальных и новых потенциальных транспортных коридоров для перевозки грузов между Европой и Азией - очень выгодное.

Тем не менее, на данном этапе имеют место и ряд факторов различного характера, которые, в определённой степени осложняют действия политических субъектов относительно развитию интеграционных процессов в пространстве Содружества, к числу самых важных которых можно отнести:

а) отсутствие безупречности, принятых в Уставе Содружества Независимых Государств, норм и правил, которые, прежде всего, обусловили появление несколько межгосударственных договоров, относящихся к категории невыполнимых;

б) небезупречность системы одобрения постановлений, основывающихся на консенсус. Стоит отметить, что одна вторая часть стран-членов Содружества присоединилась только после подписания 40-70 процентов многосторонних соглашений, и то в экономической сфере. Это говорит о том, что многие страны СНГ от принятия твердых обязательств предпочитают воздерживаться, а свобода участия в каких-либо договорах, которая имеет место в Уставе данного альянса, препятствует фактической реализации большинства заключённых межгосударственных соглашений;

в) несовершенство механизма реализации заключённых договоров и отсутствие порядка несения ответственности стран за претворение принятых обязательств на многосторонней основе, официальная позиция государств в процессе придания органам СНГ функций наднационального порядка. В частности, важнейшие цели ЕАЭС содержат в себе самые главные этапы, которых должны пройти любое государства, заинтересованное в интеграции в его рамках. Это - зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок товаров, услуг, капиталов и

рабочей силы, валютный союз и др. Однако для того, чтобы достичь эти цели, пока не создано структуры руководящих органов, наделенных ясно очерченными полномочиями по принятию строго обязывающих решений, не согласованы механизмы их исполнения, а также не обеспечено скоординированные конкретные сроки реализации тех или иных интеграционных процедур;

г) нескоординированные действия субъектов политики Содружества в вопросе их присоединения к Всемирной Торговой Организации, т.е. несогласованное открытие рынков товаров, услуг и капиталов государствами, которые участвуют в этой международной Организации, может причинить большой вред экономике других стран-членов СНГ;

д) нелегальная, противозаконная миграция и несоответствия в уровнях жизни населения стран Содружества. Недоработка правовой основы регулирования миграционной политики, несомненно, может привести к увеличению количества нелегальных трудовых мигрантов в государства, где уровень благосостояния граждан более высокий, а такие действия противоречат интересам национальной безопасности стран СНГ и др.

Однако, несмотря на все это, углубляющиеся на пространстве Содружества процессы сотрудничества во всех сферах жизни государств, а также их стремление к интеграции в рамках СНГ усиливают позитивные перспективы политических действий субъекта в этом направлении.

Заключение

Проведённый нами в работе анализ проблемы политического действия субъекта в условиях трансформации общества показал, что данный феномен, начиная со второй половины прошлого века, превратился в объект пристального изучения исследователей в области общественных наук, в частности социальной философии. Обобщая основное содержание исследования, в самом сжатом виде можно сделать следующие выводы:

1. Современные условия существования государств в многополярном мире требуют от учёных-обществоведов разработать новые концептуальные подходы не только теоретически-познавательной направленности, при помощи которых можно было бы диагностировать состояние политической системы и общества в целом, но и обозначить её конструктивно переустраивающие функции. В связи с этим, исследователями ведётся интенсивная работа по созданию теорий и концепций, которые стали бы базой для современных политических технологий, в которых будут применены самые разнообразные части научных знаний и методов гарантирования политической деятельности субъекта действий.

В этом отношении теоретическое обоснование феномена «политическое действие» в условиях трансформации общества в рамках методологических возможностей социально-философской науки является очень важным.

2. Как известно, понятие «политическое действие» исследователями-философами было введено в научный оборот сравнительно недавно, как специфический вид массовых действий совокупного социального субъекта. Анализ генезиса феномена действия в политической науке позволяет установить, что оно с самого начала приравнивалось поведению субъекта, и под политическим действием подразумевалось всякое поддающееся наблюдению, открытое поведение, демонстрируемое в рамках политической системы индивидом или социальной группой (например, его так разъясняли Вебер, Парсонс и др.).

При такой интерпретации политического действия, скорее всего, учтено то, что обычно субъект, предпринимая какое-либо действие, не задумывается над определением его характера, и осуществляет его, исходя из своих интересов, устремлений, нередко просто воспроизводит, ставшие привычными, модели поведения. В таком понимании политическое действие представляется как незапланированное, спонтанное поведение, либо воспринимается как необходимая часть последовательного процесса принятия и осуществления индивидом решений. В таких ситуациях, ответ на действия, совершаемые другими субъектами, можно называть реакцией.

Исходя из сущностных черт характеристики видов, типов и структуры политического действия субъекта, а также, опираясь на существующие в науке концептуальные теоретические основы анализа данной проблемы, понятие «политическое действие» можно определить, как относительно локализованный в историческом времени и социальном пространстве целенаправленный конкретный акт субъекта, представляющий собой активное преобразование политической реальности соответственно его интересам, потребностям и целям.

3. Детерминация и мотивация политического действия субъекта складывается из таких рациональных и иррациональных факторов, как потребности, интересы, цели, установки, формирующиеся в процессе социализации, а также субъективная оценка существующей ситуации и прогнозы индивидов на будущее.

Совершенно очевидно, что политическую деятельность делает мощным фактором управления, целенаправленной ориентации и упорядочения действий, только её тесная связь с властью. Всесторонний анализ этой сферы политики даёт возможность обнаружить обусловленность политических событий и процессов от условия направленности действий субъектов, вовлеченных в политику. При этом нельзя игнорировать то, что имеет место также ряд непростых, устойчиво действующих, и, не зависящих от субъекта политики детерминирующие

факторы, пренебрежение которых может подталкивать их политическое действие на провал, а учет этих детерминант служит необходимым критерием обеспечения ее успеха.

Несомненно, мотивация выступает в качестве одного из важнейших слагаемых политического действия субъектов и социальных групп. Она является выражением внутренней готовности личности и социальных общностей действовать согласно своему желанию, а не по принуждению и давлению извне. Поэтому трансформация тоталитарного государства в демократический строй (как это было, например, в Таджикистане) крепко связана с субституцией одних, внешне ориентированных побуждений политического действия на другие, внутренне ориентированные стимулы, то есть мотивы.

Как показала историческая практика, в кризисных ситуациях, когда стремительно сокращается продолжительность периодов социально-политических процессов, временные трафики многих социальных групп окончательно не состыкуются, и такая разнонаправленность временных потоков часто будет определять течение политических процессов и массовых действий субъекта. Характер политического действия людей, при недееспособности прежних социальных детерминант и регуляторов, становится крайне нестабильным, а также резко расширяются рамки приемлемого и дозволенного, когда отсутствуют четко обозначенные цели и признанные лидеры.

В нестабильной социально-политической обстановке, несомненно, возрастает функция и вес психологических конструкций осуществления политических действий на уровне социальных групп, поскольку признанные лидеры вступают в противоречие с массами, которые демонстрируют своим поведением странный и неожиданный иррационализм. Массам нужны лидеры, которые способны выдвигать актуальные, реально осуществимые именно на тот момент подходы, чтобы гарантировать выживания социума.

4. В процессе детерминации политических действий субъекта сработают не абстрактные законы, интересы, обстоятельства и позиции, а их конкретные, зависимые от времени, места реорганизации, мотиваторы, как устойчивого и долговременного стимулирования, так и динамично модифицирующихся. Такая комбинация формирует политическую ситуацию, которая свойственна конкретному периоду времени, территории взаимодействия объективных факторов, прямо определяющих возможности и задачи субъекта политических действий, которые служат мотивом возникновения нового политического события. Краеугольным камнем политического действия выступают отношения между втянутыми в политический процесс социальными субъектами, однако эти отношения формируются емким диапазоном факторов разного уровня (экономического, социального, политического, культурного). Все эти элементы, по сути, взаимосвязаны и требуют от субъектов определенного образа действий.

При этом совершенно очевидно, что смысл их верной оценки заключается в фиксации существующего контакта объективных обстоятельств с действием политических сил. Каждая ситуация действий субъекта включает в себе полный комплекс возможностей, реализация которых зависит от активности, направленности целей втянутых в политику сил. В связи с этим, социальные противоречия фокусируются, отбираются и усиливаются, и значение некоторых из них увеличивается многократно. В противостоянии полярных социальных сил, мотиваторами детерминации является сущность, а альтернативность выбора вероятных ориентаций действия субъекта – это показатель зрелости политической ситуации.

5. Нельзя отрицать тот факт, что в трансформационный период, который характеризуется как время кризиса относительно универсальных представлений о социуме, идеологических представлений и норм организации конкретного национального общества (в нашем случае – таджикского общества), активизируются социокультурные механизмы, благодаря чему моделируются совершенно новые критерии действий

политического субъекта и намечаются перспективы их изменения. Цель таких действий заключается в новом обозначении смысловых границ их осуществления, ускоренном воспроизводстве предполагаемых результатов, не позволяющих субъекту слиться с окружающим его миром и прекратить свою относительно целостную, преобразующую деятельность.

В любом национальном обществе трансформационный период сопрягается рецидивами влияния окружающей реальности, иногда противоречащими действующим нормам социально-политического ранга, становлением социокультурных пространств. Их невозможно контролировать доминирующими способами организации системы, социальными институтами, увеличением для субъекта политических действий и общества, в целом. На этом этапе появляются средства для качественно новых технологий управления политических действий субъекта, которые связаны с эффектами изменений инновационного характера, обуславливающими более тесный контакт между властью и обществом, минимизирующий между ними промежуток.

Нынешний этап социально-политических преобразований, которые происходят в Республике Таджикистан, исследователи зачастую называют трансформационными. Они фактически являются, обусловленные внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но, в тоже время, радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социального типа общества. При этом трансформация политического строя считается следствием общественных изменений и модернизации основных сфер жизни социума.

Политическая власть страны, как основной субъект действий, декларировала формирование демократического политического режима и демократизацию традиционного общества, что законодательно закреплено в Конституции Республики Таджикистан. Сам процесс демократизации представляет собой сложный и многогранный вид

политических действий субъектов, по поводу которого идут неутихающие дискуссии среди исследователей-обществоведов. Если более внимательно проанализировать действия политического субъекта относительно демократизации таджикского общества, то можно обнаружить, что в Таджикистане этот процесс отличается от «классических» моделей трансформации политического режима, например, в европейских странах, причём - существенно.

6. Для того чтобы действия политических субъектов, в частности Республики Таджикистан, по интеграции в пространство Содружества дали положительные результаты, требуется решение многих первостепенной важности проблем межгосударственного сотрудничества в соответствии с требованиями норм международного права. Совершенно очевидно, что основой сотрудничества между народами, нациями и государствами выступают экономические, социально-политические, культурные и другие факторы, а также конкретные исторические условия общественной системы. В то же время, для субъекта политических действий в Таджикистане, по сравнению с социально-экономическими связями и контактами с другими странами, военно-политические отношения с постсоветскими государствами являются также приоритетными. Это, вне всякого сомнения, означает стремление национального субъекта политических действий к происходящим интеграционным процессам в пространстве Содружества Независимых Государств, которые имеют большие перспективы.

Республика Таджикистан, как субъект политических действий, синхронно определяя экономические процессы приоритетами в консолидации стран Содружества, всеми возможными способами поддерживает и развивает, базирующееся на русском языке, общее гуманитарное пространство. В качестве инструмента поддержки политического диалога по вопросам дальнейшей трансформации постсоветского пространства, поиска путей решения проблем в сфере

безопасности, укрепления информационного, научного, образовательного и культурного сотрудничества, СНГ следует сохранить и развивать в его рамках интеграционные процессы.

Разумеется, происходящие в современном Таджикистане и других стран Содружество Независимых Государств политические процессы, обязывают исследователей научно обосновать ряд проблем, имеющих отношение к теме данной диссертационной работе, к числу которых можно отнести проблему технологии управления массовых политических действий субъекта в экстремальных социально-политических ситуациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапонов А.К. Проблемы ответственности региональной политической власти в современной России: политологический анализ, технологии формирования и реализации: автореф. дис. ...д-ра полит, наук / А.К.Агапонов. -Ростов н/Д, 2003. - 325с.
2. Албастова Л.Н. Технологии проведения социальных инноваций в органах власти: Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления/Л.Н. Албастова.- Майкоп.- Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. - 240с.
3. Алешина А.В. Паблик рилейшнз для менеджеров:Учебник/А.В. Алешина. — М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002. - 411 с.
4. Алмонд Г.Гражданская культура и стабильность демократии /Г. Алмонд, С.Верба // Политические исследования.- 1992. - №4. - С. 61-69.
5. Алхасов М.М. Современные избирательные технологии: сущность и этнокультурные особенности применения (на примере Республики КабардиноОБбалкария): автореф. дис. ... канд. социол. наук/М.М.Алхасов. — Ростов н/Д, 2000. - 22 с.
6. Амелин В.Н. Опыт развития прикладной политологии в России В.Н.Амелин, А.А.Дегтярев// Политические исследования.-1998. -№3. -С.8-15.
7. Анохин М.Г. Информационно-коммуникативные технологии в политике/ М.Г. Анохин, М.Ю. Павлютенкова// Вестник Российского университета дружбы народов. - Серия: Политология. - 1999. - №1. - С. 55-64.
8. Анохин М.Г. Политические технологии /М.Г.Анохин // Вестник Российского университета дружбы народов.- Серия: Политология. - 2000. - №2. - С. 12-19.
9. Анохина Н.В. Роль СМИ в избирательном процессе /Н.В.Анохина, М.Э. Брандес // Политическая наука. - 2000. - №4. - С. 70-76.

10. Ашин Г.К. Социология политики. Сравнительный анализ американских и российских политических реалий / Г.К. Ашин, С.А. Кравченко, Э.Д. Лозанский. — М.: Экзамен, 2001. — 412с.
11. Балашова А.Н. Анализ электоральных технологий в избирательном процессе: (Концептуальный аспект): дис. ... канд. полит. наук/А.Н. Балашова. -М., 2000. - 26 с.
12. Беляева О.С. Личностные особенности избирателей как фактор политического поведения/ О.С. Беляева, М.В. Харитонов // Психологический журнал. -1995. - №5. - С. 23-31.
13. Бенетон Ф. Введение в политическую науку/Ф. Бенетон : пер. с фр. — М.: Весь Мир, 2002. - 345 с.
14. Борисенков А.А. О критериях политической деятельности/А.А. Борисенков // Власть. - 2002. - №9. - С. 19-28.
15. Борисенков А.А. Парадигма политической целостности как фактор развития политической теории/А.А. Борисенков // Власть.- 2003. - №1. - С.88-95.
16. Борисенков А.А. Сущность и структура политической жизни /А.А.Борисенков // Социально-гуманитарные знания. - 2003. - №2.- С.18-28.
17. Бурдьё П. Практический смысл/ П.Бурдьё.- СПб., 2001.- 216с.
18. Буханова И. Горизонты синергетики и политические процессы/И Буханова,Н. Петров // Власть.- 2003. - №9. - С. 42-48.
19. Василенко И. Связь с общественностью в государственных организациях и местных органах власти: западный опыт/И. Василенко // Проблемы теории и практики управления.- 2003. - №4. - С. 81-87.
20. Васильева Л.Н. Политика и философия/Л.Н. Васильева // Социально-гуманитарные знания. - 2003. - №3. - С. 12-19.
21. Вебер М. Избранные произведения/М. Вебер.- М.: Прогресс, 1990. - 332с.
22. Веденеев Ю.А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан/Ю.А. Веденеев // Государство и право. -1997. — №2. - С. 34-40.

23. Везиницына С.В. Региональные особенности социальных технологий избирательных кампаний в условиях современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук/С.В. Везиницына. - Саратов, 2003. - 24 с.
24. Велесько Б. Технология рационального управления// Проблемы теории и практики управления/Б. Велесько, П.Логинов.- 2002. - №5. - С. 55-62.
25. Верченев Л.Н. Политическая наука: Национальные школы / Л.Н.Верченев // Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. трудов. - М.,2001. -334с.
26. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований/М.С. Вершинин // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сб. науч. тр. - СПб.: ГПУ, 2004. - С. 106-117.
27. Вилков А.А. Избирательные технологии: проблема эффективности и политических последствий/А.А. Вилков // Власть.- 2003. - №4. - С. 73-82.
28. Водолагин А.А. Интернет СМИ как арена политической борьбы/ А.А.Водолагин // Общественные науки и современность. - 2002. - №1. - С. 12-18.
29. Володенков С.В. Моделирование современных политических процессов: (Сущность и границы применения): дис. ... канд. полит. наук/ С.В.Володенков.- М., 2000. - 24 с.
30. Воронцова А.Б. Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса/А.Б. Воронцова, В.Б. Звоновский // Политические исследования. -2003. - №6. - С. 31-36.
31. Гавра Д.П. Исследование политических ориентаций /Д.П.Гавра,Н.В. Соколов // Социологические исследования. -1999. - №1.- С. 80-87.
32. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике /В.Я.Гельман // Политические исследования. -2003. - №4. - С. 47-54.
33. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики/В.Я. Гельман // Политические исследования. -1998. - №1. - С. 89-94.

34. Гилязитдинов Д.М. Мотивы голосования на президентских выборах 1996 /Д.М. Гилязитдинов // Социологические исследования.- 1997. -№8. - С. 22-27.
35. Гимпельсон В. Модели электорального поведения российских регионов/ В. Гимпельсон, С.Чугров // Мировая экономика и международные отношения. — 1995.- №4. - С. 113-120.
36. Гозман Л.Я. Политическая психология/Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап .- Ростов-н/Дону: Феникс, 1996. - 374 с.
37. Головачева С.Л. Маркетинговые технологии в политическом процессе современной России: автореф. ... дис.канд.полит.наук/ С.Л. Головачева. - Ростов- н/Д,2001. - 22 с.
38. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов/Г.В. Голосов // Политические исследования. — 1997.- №4. - С. 61-68.
39. Голосов Г.В. Независимые кандидаты и зависимые избиратели: влияние социальных сетей на электоральную политику в России/Г.В. Голосов, Ю.Д.Шевченко // Политические исследования. -1999. - №4. - С. 15-22.
40. Голосов Г.В. Политические институты и мотивация законодательной деятельности в российском парламенте/Г.В. Голосов, Ю.Д. Шевченко // Общественные науки и современность.- 2001. - №6. - С. 41-46.
41. Гончаров В.Э. Политический консалтинг в России: конец эпохи всемогущества/В.Э. Гончаров // Полития.- 1999. - №2. -С. 32-36.
42. Гончаров Д.В. Теория политического участия/Д.В. Гончаров.- М.: Юрист,1997. – 296с.
43. Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании. Технология и организация выборных кампаний: Зарубежный и отечественный опыт/О.И. Гордеев. -М.: Российская академия управления, 1993. – 340с.
44. Грачев Г.В. Психология манипуляций в условиях политического кризиса/Г.В. Грачев// Общественные науки и современность. -1997. - №4.-С.

45. Грачев М.Н. Политическая коммуникация /М.Н.Грачев // Вестник Российского университета дружбы народов.- Серия: Политология. - 1999. - №1.-С. 57-62.
46. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация»/М.Н. Грачев // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия.: Политология. - 2003. - №4.-С. 21-29.
47. Грачев М.Н. Политическая коммуникация и коммуникационное измерение политики «Новая» Россия: политическое знание и политологическое образование/М.Н. Грачев// Мат. межв. науч. конф. - М.: РГГУ, 2000. - С. 124-131.
48. Гришин О.Е. Технология политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ...канд.полит.наук/О.Е. Гришин. -М., 2001.-25 с.
49. Далтон Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект// Политическая наука: новые направления/ Р.Дж. Далтон/ под ред. Р.И. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. — М.: Вече, 1999. – 390с.
50. Даль Р. О демократии/ Р.Даль.- М., 2000. – 238с.
51. Данакин Н.С. Теоретические и методические основы разработки технологии социального управления: автореф. дис. ...д-ра. социол. наук/ Н.С.Данакин.- М., 1994. - 44 с.
52. Даниленко В.И. Современный политологический словарь/ В.И.Даниленко.- М.: NOTA BENE, 2000. - 602с.
53. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы. /П. Данливи:Под.ред Р.И. Гудина, Х.Д. Клингеманна - М.: Вече, 1999. – 264с.
54. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности/И.Ф. Девятко.- М.: Аванти плюс, 2003. - 194с.
55. Дегтярев А.А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития/А.А. Дегтярев / Политические исследования. — 2004. -№1.- С. 90-97.

56. Дегтярев А.А. Прикладной политический анализ: Справочник слушателя МВШСЭН. Факультет политической науки/А.А. Дегтярев. - М., 2002. – 189с.
57. Дегтярев А.А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы/ А.А.Дегтярев// Политические исследования. -2004. - №4.- С. 73-80.
58. Демидов А.И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики/А.И. Демидов// Политические исследования. — 2002. -№3. - С. 74-79.
59. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания /А.И.Демидов — М.: НОРМА, 2001.- 210с.
60. Доброхотов Р.А. Политика в информационном обществе /Р.А.Доброхотов // Политические исследования.- 2004. - №3. - С. 28-35.
61. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера/ Т.Н. Дорожкина // Социологические исследования.- 1997. - №8. - С. 44-52.
62. Дугин А.Г. Философия политики/А.Г. Дугин.- М., 2004.- 430с.
63. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу/Е.Г. Дьякова // Политические исследования. -2003. - №3.-С. 16-24.
64. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в системе управления общественными процессами: автореф. дис. ...д-ра. социол. наук/ Л.Я.Дятченко. -М., 1993.- 42с.
65. Запрудский Ю.Г. Сущность и структура политического процесса:Политические технологии/ Ю.Г.Запрудский, Г.Н.Сердюков // Тез. докл. и сообщений ежегодной (VII) региональной научной конференции (Ростов-на-Дону, 28-29 января 2998 г.).- Ростов-н/Дону, 1998.-С. 119-121.
66. Заславская Т.Н. Социальные механизмы трансформации неправовых практик/ Т.Н.Заславская,М.А. Шабанова / Общественные науки и современность. -2001.-№5. - С. 50-56.

67. Зименков А.Б. Паблик рилейшнз в политике: содержательный и технологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук/А.Б. Зименков. — Ростов н/Д, 2002. - 24 с.
68. Игнатов В.Г. Региональные аспекты укрепления российской государственности/В.Г. Игнатов // Власть.- 2003. - №6. - С. 65-73.
69. Игошин И.Н. Институциональные искажения в российском обществе / И.Н.Игошин.- М.: Директмедиа Паблишинг, Кнорус, 2003. – 265с.
70. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий/М.В. Ильин.- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 440с.
71. Ильясов Ф.М. Политический маркетинг/Ф.М. Ильясов.- М., 2002. – 298с.
72. Имитационное моделирование и сценарный подход в системах поддержки принятия решений /Д.Л. Адрианов[и др.] // Проблемы теории и практики управления.- 2002. - №5. - С. 97-112.
73. Инстер Д. Возможность осуществления рациональной политики// Современная политическая теория /Д. Инстер Д.– М.: NOTA BENE, 2001.- 238с.
74. Кара-Мурза С.С. Манипуляция сознанием/ С.С. Кара-Мурза. - М.:Эксмо,2003. – 360с.
75. Карват М. Политические действия как элемент системы общественной практики: Элементы теории политики. / М. Карват, В.Милановский - Ростов-н/Дону, 1991. – 256с.
76. Карпухин О.И. «Паблик рилейшнз» как информационный менеджмент// Социально-политический журнал/ О.И.Карпухин.- 1998. - №4. - С. 88-95.
77. Кассирер Э. Техника создания политического мифа / Э.Кассирер // Октябрь. -1993.- №7.-С. 41-52.
78. Кениг К. Управление в сфере государственной администрации: критика концепций, критерии и предпосылки политики/ К. Кениг // Проблемы теории и практики управления. -2002. - №2. - С. 84-94.

79. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. С.Г.Кирдина. -Новосибирск, 2001.- 186с.
80. Клямкин И.М. Дифференциация ориентаций в российском обществе: факторы влияния/ И.М. Клямкин, В.В.Лапкин // Политические исследования. -1994.- №6. - С.22-29.
81. Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт/ А.И.Ковлер.- М.: ИГПАН, 1995. – 258с.
82. Коктыш К.Е. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития /К.Е.Коктыш // Политические исследования.- 2002. - №4.-С. 45-51.
83. Коломийцев А.А. Ресурсы политического лидерства/А.А. Коломийцев, А.В.Паршин, В.Ю.Шпак. -Ростов-н/Дону, 2004.- 352с.
84. Коноплева А.А. Политическое участие граждан в условиях формирования российского общества: дис. ... канд. полит. наук/А.А. Коноплева.- Тула, 2001.- 26с.
85. Коноплин Ю.С. Маркетинговый анализ политического имиджа и политического товара/Ю.С. Коноплин,В.В. Лобанов.- М., 1995.- 246с.
86. Коннычев Д.В. Политическое участие: (На примере регионального избирательного процесса): дис. ... канд. полит. наук/Д.В. Коннычев.- Саратов, 2000. - 22с.
87. Коробков А.А. Массовизация политического участия в процессах реформирования общества в современной России: дис. ... канд. полит. наук/ А.А.Коробков.-Орел, 2001.- 24 с.
88. Косолапов Н.А. Анализ внешней политики: основные направления исследований/Н.А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения.- 1999. - №2.-С.94-99.
89. Кочергин В. Ролевая структура механизма взаимодействия социальных технологий и управления/ В. Кочергин // Проблемы теории и практики управления.- 2003. - №6. -С. 10-18.

90. Кочубей Б. Действия и поступок / Б.Кочубей // Знание сила. - 1991. - №7.- С.74-83.
91. Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов/М.Е. Кошелюк.- СПб., 2004. – 348с.
92. Красин Ю.А. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России. («Круглый стол») /Ю.А.Красин, Ю.М.Розанова // Социологические исследования.- 2000. - №10. - С.13-23.
93. Краснов В.Н. Модели человеческого поведения и основы социального антагонизма/В.Н. Краснов // Общественные науки и современность.- 2003. - №3.-С.65-71.
94. Кривов В. Информационно-аналитическое обеспечение органов государственной власти: некоторые вопросы совершенствования/ В. Кривов // Власть. -1996.-№1.-С.27-33.
95. Култыгин В.П. Теория рационального выбора возникновение и современное состояние /В.П.Култыгин // Социологические исследования. - 2004. - №1.-С.92-98.
96. Курбатов В.И. Магия власти: харизма и реалии/В.И. Курбатов .- Ростов-н/Дону,1996.- 269с.
97. Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления С.П.Курдюмов, Е.Н.Князева // Общественные науки и современность. -1993. - №2.-С. 16 -22.
98. Курс лекций по теории политики/Т.Н. Беспалова[и др.]. Ростов-н/Дону: РБИ МВД России, 2005.- 442с.
99. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения// Социологические исследования. 1997. - №12. – С. 81-88.
100. Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие/В.Г. Ледяев // Социологический журнал.- 1998. - №1-2.-С. 123-132.
101. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ/В.Г. Ледяев.-М., 2001.- 341с.

102. Ледаев В.Г. О сущностной оспариваемости политологических понятий/ В.Г.Ледаев // Политические исследования. -2003. -№2.-С.111-118.
103. Лобанов В.В. Анализ государственной политики/В.В. Лобанов.- М., 2001.- 254с.
104. Луман Н. Власть/Н. Луман.- М., 2001.- 198с.
105. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия/ В.П.Макаренко. - М.: Праксис, 2002.- 442с.
106. Макаренко В.П. Намерения и следствия в политике. (К анализу когнитивных элементов демократии)/В.П. Макаренко // Политические исследования. -2002. -№4.-С.45-52.
107. Макарычев А.С. Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70-90-х годов /А.С. Макарычев// Мировая экономика и международные отношения. -1994. - №12.-С. 61-70.
108. Макеев В.В. Политическая карьера/В.В. Макеев.- М., 2000.- 350с.
109. Мангейм Дж. Б. Анализ общественной политики и оценка программ Дж.Б.Мангейм, Р.Рич // Политические исследования.- 1991. - №3.-С. 45-54.
- 110 Мангейм Дж. Б. Политология:Методы исследования/Дж.Б. Мангейм, Р.К.Рич.-М.: Весь Мир, 1997.- 396с.
111. Маркова А.В. Некоторые аспекты прогнозирования и моделирования социальных процессов/А.В. Маркова// Власть. -2002. -№5.-С. 67-74.
112. Марченко Г. Коммуникативный подход к политике (теоретико-методологические основания политического консультирования)/Г. Марченко // Власть. - 2004. -№6.-С.30-37.
113. Марченко Г. Политика в академическом и практическом измерении /Г.Марченко // Власть. -2004. - №3.-С. 87-96.
114. Марченко Г. Игровой подход к политике/Г. Марченко // Власть.- 2004. - №5.-С. 40-49.
115. Матвеев Р.Ф. Политические процессы в правовом поле/Р.Ф. Матвеев // Власть. -2003.-№7.-С.32-37.

116. Мелешкина Е.О. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях /Е.О.Мелешкина // Политические исследования.- 2002. - №5.- С. 66-73.
117. Мелешкина Е.О. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа /Е.О.Мелешкина.- М., 2001.- 374с.
118. Мельвиль А.О. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов/А.О. Мельвиль//Политические исследования.- 2002.№5.-С.134-142.
119. Мельник В.А. Политология/В.А. Мельник. – М.: Высш. шк., 1996.- 380с.
120. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях/В. Меркель,А. Круассан // Политические исследования.- 2002. - №1.-С.77-86.
121. Мешкова Т.Я. Социально-политические аспекты глобальной информатизации/Т.Я. Мешкова // Политические исследования. -2002. - №6.- С.30-38.
122. Мнацаканян М.О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) /М.О.Мнацаканян// Социологические исследования. -2003. - №2.-С.89-96.
123. Морозов С.А. Культура политического управления/С.А. Морозов.- Краснодар,1999. – 340с.
124. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии/Е.Г. Морозова.- М.: РОССПЭН, 1998.-432с.
125. Мэтьюз Д. Политика для народа: Граждане в поисках своего места в политике/Д. Мэтьюз.- М., 1995.- 276с.
126. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги/А.П.Назаретян // Общественные науки и современность.- 1997. -№2.-С. 65-72.
127. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований/М.М. Назаров.- М.: УРСС, 1999. -210с.

128. Нечаев В.Д. Когнитивные революции и институциональные изменения /В.Д.Нечаев // Политические исследования.- 2002. - №5.-С.18-24.
129. Нечаев В.Д. Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик /В.Д.Нечаев // Политические исследования. -2001. - №6.-С. 87-96.
130. Ольшанский Д.В. Политическая психология/Д.В. Ольшанский.- М., 2002. – 398с.
131. Ольсон А. Социология и телевидение. Политическая сила телевидения: реальность мифа? (Обзор семинара)/А. Ольсон // Политические исследования. - 1994. - №6.-С.56-64.
132. Основы избирательных технологий и партийного строительства/Е. Малкин [и др.]. - М.: Русская панорама, 2003.- 380с.
- 133.Паблик рилейшнз в политике/Т.В. Беспалова,А.Б. Зименков,Е.В. Свиридкина, В.Ю.Шпак.- Ростов-н/Дону: РЮИ МВД России, 2005.- 248с.
134. Павлютенкова М.Ю. Новые информационные технологии в современном политическом процессе/М.Ю. Павлютенкова // Власть. -2000. - №8.-С. 69-76.
135. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. /А.С. Панарин.- М., 1999.- 356с.
136. Паршин А.В.Самореализация личности в политической культуре /А.В.Паршин, А.И.Пономаренко,В.Ю. Шпак. -Ростов-н/Дону, 2004.- 304с.
137. Паршин А.В. Сила права/А.В. Паршин,А.В. Шпак,В.Ю. Шпак .- Ростов-н/Дону, 2004.- 264с.
138. Песков Д.Н. Интернет-пространство: состояние постмодерна? /Д.Н.Песков// Политические исследования. - 2003. - №5. - С. 73-80.
139. Песков Д.Н. Интернет в российской политике: утопия и реальность /Д.Н.Песков// Политические исследования. - 2002. - №1. - С. 48-55.
140. Пищева Т.Н. «Затрудненное общение» (Барьеры в восприятии образов политиков) /Т.Н. Пищева // Политические исследования. -2002. -№5. - С. 21-29.

141. Поляков Л.В. Основы политического консультирования: Теория и практика/Л.В.Поляков.- М.: КДУ, 2004. – 312с.
142. Почепцов Г.Г. Как становятся президентами: избирательные технологии XX века. Киев: Знание, 1999. – 184с.
143. Пугачев В.П. Введение в политологию: Учебник/В.П. Пугачев, А.И. Соловьев.- М.: Аспект-Пресс, 2002. – 430с.
144. Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели/Г.В. Пушкарева // Политические исследования. -2003.- №3.-С. 43-50.
145. Пушкарева Г.В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации/ /Г.В.Пушкарева/ // Политические исследования. -2004. - №4.-С. 42-48.
146. Пушкарева Г.В. Политический менеджмент/Г.В.Пушкарева. - М.: Дело, 2002.- 260с.
147. Рыбаков А.В. Политика в институциональном измерении/А.В. Рыбаков А.В. – М.,2002.- 194с.
148. Рыбаков А.В. Трансформация политических институтов/ А.В.Рыбаков // Власть. -2003.-№5.-С. 51-57.
149. Савченко И.А. Технология политического действия в трансформирующемся обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук/ И.А.Савченко. - Ростов н/Д, 2005. - 24с.
150. Саидов А.С. Нация как субъект социального действия/А.С. Саидов. - Минск.-Душанбе, 1999. - 242 с.
151. Селиванов А. Аналитика и власть/А. Селиванов // Власть. -2004. - №3.- С.60-67.
152. Сидельников Э. Экспертиза: состояние и тенденции развития/ Э.Сидельников// Мировая экономика и международные отношения.- 1997. - №2.-С. 111-119.
153. Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики /А.И.Соловьев // Политические исследования.- 2002. - №6.-С. 62-69.

154. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической интерпретации/А.И. Соловьев // Политические исследования.- 2002. - №3.-С. 104-111.
155. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии/А.И. Соловьев.- М.: Аспект Пресс, 2000.- 320с.
156. Соловьев А.И. Политический облик постсовременности: очевидность явления/ А.И.Соловьев //Общественные науки и современность. -2001. - №5.- С.89-97.
157. Соловьев А.И. Государство на старте тысячелетия: проблемы управления и власти/А.И. Соловьев, С.Г.Турунок // Власть. -2003. -№11.- С.37-46.
158. Сологуб В.А. Политические и управленческие процессы: проблема соответствия: автореф. дис. ... канд. социол. наук/В.А. Сологуб.- Ростов-н/Д, 1997.-
159. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России/А.М. Старостин.- Ростов-н/Д, 2003.-22с.
160. Страхов А. Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России /А.Страхов // Мировая экономика и международные отношения. -2001.-№1.-С.91-99.
161. Супрун А.П. Политический маркетинг: новый взгляд на рейтинг /А.П.Супрун // Социологические исследования. -2000. - №2.-С. 34-42.
162. Третий электоральный цикл в России: Заочный круглый стол// Политические исследования. -2004. - №1.-С.107-112.
163. Тузиков А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая/А.Р. Тузиков // Политические исследования.- 2002. - №5.-С. 67-72.
164. Удалов Ф. «Управленческий четырехзвенник» /Ф.Удалов,О. Удалов// Проблемы теории и практики управления.- 2003. - №3. -С. 75-83.

165. Усманов Б.Ф. Эффективность избирательного процесса: конструирование будущего/Б.Ф. Усманов // Социологические исследования. 2000. - №8.-С.47-56.
166. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика/М. Фармер // Политические исследования. -2001. - №3.-С.
167. Харичкин И. Политический риск субъектов политики/И. Харичкин// Власть. -2002. -№4.-С. 90-95.
168. Хогвуд Б. Политическое прогнозирование/Б. Хогвуд,Л.Ганн// Вестник Московского университета.- Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994.- №6.-С. 101-108.
169. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования М.Р.Холмская // Политические исследования. -1999. - №5.-С. 39-46.
170. Чазов А.В. Ценности как фактор формирования политических предпочтений: дис. ... канд. полит. наук/А.В. Чазов.-СПб., 2001.- 24с.
171. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики/И. Шапиро // Политические исследования. -2001.- №5.-С.32-39.
172. Шастико Е.А. Неинституциональная экономическая теория /Е.А.Шастико.- М.,1998.- 352с.
173. Шевченко Ю.Д. Поведение избирателей в России: основные подходы Ю.Д.Шевченко // Политическая наука.- 2000. - №4.-С. 20-27.
174. Шестопал Е.Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации/Е.Б. Шестопал.- М., 1988.- 228с.
175. Шилов В.Н. Политические ценности: специфика и функции/В.Н. Шилов// Социально-гуманитарные знания.- 2003. - №6.-С. 81-88.
176. Шинкевич В.Е. Политический маркетинг как разновидность политических технологий/В.Е. Шинкевич // Социально-гуманитарные знания. -2004.- №3. - С. 29-36.

177. Шомова С.А. Аноним как адресат («слабое звено» политической коммуникации)/С.А. Шомова // Социально-гуманитарные знания. -2003. - №5. - С.61-66.
178. Штайер Й. Харизма руководителя и управленческие архетипы /Й.Штайер // Проблемы теории и практики управления.- 2001. - №4.-С.17-26.
179. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии/А. Шютц. -М.: ФОМ, 2003.- 412с.
180. Яковлев И.Г. Информационно-аналитические технологии и политическое консультирование /И.Г.Яковлев // Политические исследования. -1998. -№2-3.-С. 89-96.
181. Almond G. The Civic Culture Revisited/ G.Almond, S.Verba .- Boston,1990.- 620 p.
182. Downs A. An economic theory of democracy/A. Downs.- New York: Harper and Row, 1957.-447p.
183. The American voter / A. Campbell, P.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes.- New York: Wiley, 1960.- 710p.